

1812-й годъ.

БАРОНЕССА СТАЛЬ ВЪ РОССІИ.

Было 14 Мая, когда въѣзжала я въ Россію. Эта годовщина первого дня революціи была для меня особенно знаменательна. Тутъ для меня закончился кругъ Французской исторіи, начавшійся 14 Іюня 1789 года. Когда застава, отдѣляющая Россію отъ Австріи, открылась, чтобы пропустить меня, я поклялась никогда не вступать въ предѣлы страны, подчиненной такъ или иначе Наполеону. Неужели эта клятва не позволить мнѣ опять видѣть прекрасную Францію?

Первымъ, съ кѣмъ я встрѣтилась въ Россіи, былъ Французъ, служившій когда-то въ конторѣ у моего отца, о которомъ онъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ, и это имя, произнесенное какъ напутственное слово, показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи, такъ несправедливо называемой варварской страной, я испытала лишь чувства добрыя, благородныя. Пусть моя признательность призоветъ благословеніе на эту страну и на ея Государя! Я вступила въ Россію, когда Французская армія прошла уже далеко въ Русскіе предѣлы, а между тѣмъ иностранка-путешественница не подвергалась никакимъ непріятностямъ и притѣсненіямъ: ни я, ни мои спутники не знали ни слова порусски; мы говорили на языкъ враговъ, опустошавшихъ страну. По досадной случайности, у меня даже не было прислуги, которая говорила бы порусски, и если бы не врачъ Нѣмецъ (докторъ Реннеръ), великодушно согласившійся быть нашимъ проводникомъ до Москвы, мы, право, заслужили бы названіе глухихъ и нѣмыхъ, какъ Русскіе называютъ иностранцевъ. Наше путешествіе было спокойно и безопасно: такъ сильно въ Россіи госте-

пріимство и у знати, и у простого народа. Съ первыхъ же шаговъ мы узнали, что прямой путь на Петербургъ уже занятъ войсками, и чтобы попасть въ столицу, надо проѣхать черезъ Москву. Это лишнихъ двѣсти миль, но мы уже сдѣлали ихъ полторы тысячи, и теперь я радуюсь, что мнѣ удалось увидѣть Москву.

Первой губерніей, черезъ которую намъ пришлось проѣзжать, была Волынь, часть Русской Польши. Это страна очень плодородная, переполненная Евреями, подобно Галиціи; но она не такъ бѣдна, какъ сія послѣдняя. Я остановилась во дворцѣ одного Польскаго пана, къ которому меня направили; онъ посовѣтовалъ мнѣ воспользоваться отъѣздомъ, потому что Французы уже шли на Волынь, и они могли достигнуть ея черезъ восемь дней. Поляки вообще любятъ болѣе Русскихъ, чѣмъ Австрійцевъ. Русскіе и Поляки народы Славянскаго племени; они прежде были врагами, но они уважаютъ другъ друга, между тѣмъ какъ Нѣмцы, опередившіе Славянъ въ Европейскомъ просвѣщеніи, не относятся къ нимъ справедливо. Легко было замѣтить, что Поляки на Волыни не боялись нашествія Французовъ и, хотя образъ ихъ мыслей былъ извѣстенъ, но ихъ не преслѣдовали въ мелочахъ, что могло бы только возбудить, а не сдерживать ненависть; а все таки покореніе одного народа другимъ явленіе весьма печальное: должно пройти много вѣковъ, пока водворится единеніе и изгладятся изъ памяти имена побѣжденнаго и побѣдителя.

Въ Житомирѣ, губернскомъ городѣ Волыни, мнѣ рассказывали, что въ Вильну отправился начальникъ Русской полиціи, чтобы узнать поводъ къ наступленію Наполеона и надлежащимъ образомъ высказаться противъ его вторженія въ предѣлы Россіи. Трудно повѣрить, какихъ жертвъ стоило Александру поддерживать миръ; а на самомъ дѣлѣ не въ ступленіи отъ Тильзитскаго договора могъ Наполеонъ обвинять Александра, скорѣе въ слишкомъ добросовѣстной вѣрности губительнымъ условіямъ мира заслуживалъ упрека Русскій Императоръ. Александръ въ правѣ былъ объявить войну, такъ какъ Наполеонъ первый нарушилъ договоръ. Въ то время какъ Россія закрывала двери Англичанамъ, Наполеонъ позволялъ ввозить во Францію колоніальныя товары и, сказать правду, главною цѣлью войны Франціи и Европы противъ Россіи было стремленіе сосредоточить въ рукахъ дома Бонапартовъ и компаніи всю торговлю Англійскими товарами. Достойный поводъ, чтобы взволновать всѣ народы материка! Въ разговорѣ съ министромъ полиціи Балашовымъ Французскій императоръ предавался непонятной болтливости, которую можно было бы считать за уступку, если не знать, что она была нужна ему, чтобы усилить страхъ, который внушалъ онъ, показывая, будто стоитъ выше всякихъ расчетовъ. „Вы

думаете“, сказалъ онъ Балашову. что я забочусь объ Якобинцахъ-Полякахъ“? И на самомъ дѣлѣ, въ канцеляріи Румянцева вотъ уже нѣсколько лѣтъ лежитъ письмо г. Шампаньи, въ которомъ онъ предлагаетъ вычеркнуть имя Польши и Поляковъ изъ всѣхъ Европейскихъ дѣловыхъ бумагъ. Какое несчастіе для этой націи, что императоръ Александръ не принялъ титулъ короля Польскаго и не приобщилъ участь этого угнетеннаго народа къ свободной жизни другихъ народовъ. Наполеонъ спросилъ при Балашовѣ одного своего генерала, былъ-ли онъ въ Москвѣ, и какой это городъ. Генераль отвѣчалъ, что Москва показала ему скорѣе большой деревней, чѣмъ столицей. А сколько тамъ церквей? продолжалъ Наполеонъ. Около тысячи шести сотъ (сорокъ сороковъ). „Совершенно непонятно“, возразилъ Наполеонъ, „и при томъ, когда уже никто больше не вѣруеть!“—Простите, ваше величество, сказалъ Балашовъ, Русскіе и Испанцы еще сохранили свое благочестіе. Отвѣтъ удивительный; онъ предвѣщалъ, надо было ожидать. что Москвичи будутъ Кастильцами Сѣвера.

Тѣмъ не менѣе Французская армія дѣлала быстрые успѣхи. Французовъ, которые дома не могли сопротивляться никакому игу, привыкли повсюду видѣть побѣдителями, и я имѣла основаніе бояться. что встрѣчу ихъ уже на пути къ Москвѣ. Странная моя судьба: сначала бѣжать отъ Французовъ, среди которыхъ я родилась, которые прославили моего отца, и бѣжать отъ нихъ до предѣловъ Азіи! Неужели судьба не можетъ низвергнуть человѣка, которому выпало на долю унижать родъ человѣческій? Я думала, что должна направиться въ Одессу, городъ сдѣлавшійся благоустроеннымъ, благодаря просвѣщенному управленію герцога Ришелье; оттуда я отправилась бы въ Константинополь и въ Грецію. Я рѣшилась на это большое путешествіе, думая о поэмѣ „Ричардъ Львиное сердце“, которую я предполагаю написать. если мнѣ это позволить мое здоровье. Эта поэма должна обрисовать нравы и природу Востока и освѣтить большой періодъ исторіи Англіи, когда энтузіазмъ крестовыхъ походовъ уступилъ мѣсто увлеченію свободою. А такъ какъ рисовать возможно только то, что мы чувствовали, то я должна бы отправиться въ Константинополь, въ Сирію и въ Сицилію, чтобы тамъ ознакомиться съ обликомъ Ричарда. Мои спутники, лучше меня зная мои силы, не совѣтовали мнѣ предпринимать это путешествіе и увѣряли, что поторопившись я могу ѣхать на почтовыхъ скорѣе, чѣмъ движется армія. Мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ у меня оставалось мало времени.

Въ Кіевѣ я познакомилась съ Русскимъ гостепріимствомъ. Губернаторъ генераль Милорадовичъ окружилъ меня любезными заботами. Онъ былъ адъютантомъ Суворова и такъ же, какъ и тотъ, неустра-

шимъ. Онъ вселилъ въ меня больше вѣры въ военные успѣхи Россіи. Такой вѣры у меня до той поры не было. Мнѣ приходилось ранѣе встрѣчаться только съ нѣкоторыми офицерами Нѣмецкой школы, но съ Русскими они не имѣли ничего общаго. Въ Милорадовичѣ я увидѣла настоящаго Русскаго человѣка, пылкаго, храбраго, довѣрчиваго и незараженнаго духомъ подражанія, подъ которымъ иногда у его соотечественниковъ скрывается ихъ народный характеръ. Онъ разсказалъ мнѣ много о Суворовѣ. Все говоритъ, что это былъ человѣкъ высокообразованный, хотя сохранившій природное чутье, основанное на непосредственномъ знаніи людей и вещей. Онъ много работалъ, но скрывалъ это, чтобы сильнѣе поражать воображеніе своихъ солдатъ, во всемъ стараясь казаться вдохновеннымъ.

По моему, Русскіе имѣютъ гораздо больше общаго съ народами Юга или Востока, нежели Сѣвера. По природѣ своей они жители Востока. Генераль Милорадовичъ разсказывалъ мнѣ про одинъ полкъ Калмыковъ, который стоялъ гарнизономъ въ Кіевѣ. Начальникъ отряда этихъ Калмыковъ пришелъ однажды къ Милорадовичу и признался, что ему очень тяжело проводить зиму въ городѣ и онъ хотѣлъ бы получить разрѣшеніе перейти со своимъ отрядомъ въ сосѣдній лѣсъ. Ему не могли отказать въ этомъ незатѣйливомъ удовольствіи, и онъ двинулся со своимъ отрядомъ по снѣжнымъ сугробамъ и расположился въ повозкахъ, служившихъ имъ одновременно и хижинами. Русскіе солдаты легко переносятъ усталость, всѣ неудобства климата и войны, а народъ во всѣхъ сословіяхъ пренебрегаетъ препятствіями и физическими трудностями. Все это свидѣтельствуетъ, что онъ способенъ совершить великіе подвиги. Калмыцкій князь, которому деревянный домъ казался жилищемъ слишкомъ изысканнымъ, на зимнихъ балахъ дарилъ алмазы дамамъ, которыя особенно ему нравились. Не имѣя возможности говорить съ ними, онъ замѣнялъ комплименты подарками, какъ это дѣлаютъ въ Индіи и во всѣхъ безмолвныхъ странахъ Востока, гдѣ слово не имѣетъ такой выразительной силы, какъ у насъ. Милорадовичъ въ день моего отъѣзда пригласилъ меня на балъ къ одной Молдавской княгинѣ. Къ великому сожалѣнію я не могла тамъ быть. Всѣ иноземныя страны и народы, по своему складу еще далекіе отъ Европейцевъ, особенно возбуждаютъ воображеніе. Россія—это преддверіе иной невѣдомой земли Востока, откуда вышло столько вѣроисповѣданій, гдѣ еще сокрыты необъятныя сокровища настойчивости и духовныхъ дарованій.

Почти девять сотъ верстъ отдѣляютъ Кіевъ отъ Москвы. Русскіе возницы мчали меня съ быстротой молніи; они пѣли пѣсни и этими пѣснями, какъ увѣряли меня, подбадривали и ласкали своихъ лошадей:

ну, бѣгите, голубчики. говорили они. Я не нашла ничего дикаго въ этомъ народѣ: напротивъ, въ немъ есть много изящества и мягкости, которыхъ не встрѣчаешь въ другихъ странахъ. Русскій возчикъ не пройдетъ мимо женщины, какого она бы ни была возраста или сословія, чтобы не поклониться, а она отвѣчаетъ наклоненіемъ головы, полнымъ граціи и благородства. Одинъ старикъ, который не могъ объясниться со мною словами, показалъ мнѣ сначала на землю, а потомъ на небо; это означало, что черезъ землю достигнетъ онъ скоро небесъ. Я знаю, что, возражая мнѣ, могутъ вполнѣ основательно указать на жестокія злодѣянія, имѣвшія мѣсто въ Русской исторіи: но я обвиняю во всемъ не народъ, а бояръ, развращенныхъ деспотизмомъ, который они поддерживали и отъ котораго сами же страдали. Къ тому же политическіе раздоры всегда и всюду искажаютъ народный характеръ, и нѣтъ ничего печальнѣе въ исторіи, какъ появленіе властелиновъ, которые черезъ преступленіе достигаютъ власти и черезъ преступленіе лишаются ея; но это явленіе всегда сопровождаетъ роковымъ образомъ неограниченную власть. Люди низшаго класса, ставшіе черезъ темные происки правителями своей страны, не имѣютъ ничего общаго съ жителями деревни, и я понимаю все худое, что о нихъ говорили и должны говорить. Для того, чтобы узнать воинственный народъ, надо узнать солдата и тотъ классъ, изъ котораго выходитъ онъ, земледѣльцевъ-крестьянъ.

Хотя двигалась я съ большою быстротой, но мнѣ казалось, что стою на мѣстѣ: на столько природа страны однообразна. Песчаная равнина, рѣдкіе березовые лѣса да крестьянскіе поселки, находящіеся на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, съ ихъ деревянными, построенными по одному образцу избами. вотъ все, что встрѣчала я на пути. Меня охватилъ своего рода кошмаръ, который приходитъ иногда ночью, когда кажется, что дѣлаешь шаги и въ тоже время не двигаешься съ мѣста. Безконечною казалась мнѣ эта страна, и цѣлая вѣчность нужна, чтобы ее пройти. Постоянно на пути попадались гонцы; мчавшіеся ѣхали съ неизмовѣрной быстротой; сидѣли они на деревянныхъ скамеечкахъ, въ телѣгѣ, запряженной парой лошадей, и ничто не останавливало ихъ ни на мгновеніе. Толчки подбрасывали ихъ чуть ли не на два фута надъ повозкой и, падая на свое мѣсто съ удивительной ловкостью, они спѣшили крикнуть: ну, пошолъ! съ воодушевленіемъ, какое охватываетъ Француза въ день битвы. Славянский языкъ удивительно звученъ; я даже скажу, что въ немъ есть что-то металлическое. слышится бряцаніе мѣди, когда произносятся Славяне нѣкоторыя созвучія, столь непохожія на западныя нарѣчія. Мимо насъ проходили резервные батальоны: спѣшившіе къ военнымъ

дѣйствіямъ казаки присоединялись къ арміи, но въ безпорядкѣ, безъ опредѣленной формы въ одеждѣ, съ большимъ копьемъ въ рукѣ, въ сѣроватомъ одѣяніи, большой капюшонъ котораго они надѣвали на голову. Я совсѣмъ иначе представляла себѣ этотъ народъ. Они живутъ за Днѣпромъ и ведутъ независимый образъ жизни, подобно дикимъ, но на войнѣ отдаются въ полную власть военачальникамъ. Грозныя арміи мы привыкли представлять себѣ въ прекрасныхъ мундирахъ наиболѣе яркихъ красокъ. Тусклые цвѣта, въ какіе одѣваются казаки, наводятъ тоже страхъ, но своеобразный. Кажется, что это мертвецы поднялись на васъ.

На полпути отъ Кіева до Москвы стало труднѣе на станціяхъ доставать лошадей, ибо мы находились совсѣмъ вблизи арміи. Я боялась, что меня остановятъ какъ разъ въ то время, когда особенно надо было спѣшить и когда мнѣ приходилось ждать по пяти и шести часовъ у почтовой станціи, гдѣ рѣдко встрѣчалась удобная для отдыха комната. Я съ содроганіемъ думала, что вдругъ, почти на краю Европы, настигнетъ меня армія, и какъ трагично и въ тоже время смѣшно будетъ мое положеніе; полной неудачей закончилось бы мое предпріятіе. (Обстоятельства, какія побудили меня къ нему, не всѣмъ извѣстны; могутъ спросить, почему покинула я родину и даже нѣкоторые не лишены доброты люди, зная, что родина стала мнѣ тюрьмою, съ сокрушеніемъ скажутъ, что, конечно, это очень тяжело, но все же было бы лучше не покидать ея.

Я прибыла въ Орловскую и Тульскую губерніи, которыя потомъ столь часто упоминались въ бюлетеняхъ той и другой арміи. Прѣзжая черезъ Русскіе провинціальныя города, я была принята во многихъ домахъ. Многіе дворяне изъ окрестностей прѣзжали повидаться со мною, сказали много пріятнаго о моихъ произведеніяхъ, и признаюсь, мнѣ было очень лестно узнать о моей литературной извѣстности въ такомъ отдаленіи отъ родины. Жена губернатора приняла меня поазіатски съ шербетомъ и розами; ея комната была изящно украшена картинами и музыкальными инструментами. Повсюду въ Европѣ рѣзка противоположность богатства и нищеты, въ Россіи же ни то ни другое не выдѣляется. Народъ не бѣденъ, а знать способна, когда это необходимо, вести такой же образъ жизни, какой ведетъ народъ. Съ одной стороны суровыя лишенія, съ другой изысканныя удовольствія отличаютъ эту страну. Сами вельможи, въ палатахъ которыхъ вы найдете все, что есть блестящаго и роскошнаго во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ, питаются въ пути гораздо хуже Французскаго поселенина и способны переносить не только на войнѣ, но и во многихъ житейскихъ случаяхъ физическое существованіе очень стѣсненное.

Суровость климата, болота, лѣса и пустыни, покрывающія значительную часть страны, заставляють человека бороться съ природой. Фрукты и цвѣты произрастають лишь въ оранжереяхъ, воздѣлываніе овощей не распространено, виноградниковъ совсѣмъ не встрѣчаешь. Обстановка жизни, въ которой находится Французскій крестьянинъ, возможна въ Россіи лишь при большихъ затратахъ. Необходимое можно получить только въ роскоши; отсюда происходитъ, что когда роскошь невозможна, отказываются даже отъ необходимаго. Нѣтъ въ Россіи совсѣмъ того, что Англичане называютъ „комфортомъ“, а мы Французы просто довольствомъ. Ничто не въ состояніи удовлетворить воображеніе Русскаго вельможи; но когда поэзіи богатства нѣтъ, они пьютъ квасъ, спятъ на полу и ѣдутъ день и ночь въ открытой повозкѣ, не сожалѣя о роскоши, къ которой, казалось, они такъ привыкли. Они любятъ въ жизни ея величіе и пышность болѣе, чѣмъ тихія радости, которыя она можетъ дать. Они, подобно людямъ Востока, выказываютъ необычайное гостепріимство иноземцу; его осыпають подарками, а сами часто пренебрегаютъ обыкновенными удобствами личной жизни. Всѣмъ этимъ надо объяснять то мужество, съ которымъ Русскіе перенесли пожаръ Москвы, соединенный со столькими жертвами. Они заботятся о внѣшнемъ блескѣ болѣе, чѣмъ о своемъ благосостояніи; роскошью неизмѣнены, а денежная жертва удовлетворяетъ ихъ гордость тѣмъ подлѣе, чѣмъ съ большей пышностью они ее приносятъ. Въ народѣ этомъ есть что-то исполинское; обычными мѣрами его не измѣрять. Я не хочу этимъ сказать, что тамъ нѣтъ ни истиннаго величія, ни постоянства, но отвага, пылкое воображеніе Русскихъ не знаютъ предѣла; у нихъ все болѣе колоссально, чѣмъ соразмѣрно, во всемъ болѣе смѣлости, чѣмъ благоразумія; и если они не достигаютъ цѣли, которую себѣ поставили, то это потому, что они перешли ее.

Я подъѣзжала къ Москвѣ, но ничто не говорило о близости столицы. Тѣже далекія одна отъ другой деревни, тоже безлюдіе и тишина вдоль широкихъ полосъ, называемыхъ въ Россіи большими дорогами. Деревенскія избы не были многочисленнѣе. Въ Россіи такой просторъ, что все въ ней теряется, даже дворцы, даже само населеніе. Кажется, что мы проѣзжаемъ въ странѣ, изъ которой ушли обитатели. Отсутствие птицъ усиливаетъ впечатлѣніе безмолвія. Животныя тоже рѣдки, по крайней мѣрѣ ихъ мало встрѣтишь по дорогѣ. Все тонетъ въ необъятномъ пространствѣ, надъ всѣмъ царитъ оно и захватываетъ воображеніе, подобно многимъ метафизическимъ идеямъ, отъ которыхъ не можетъ освободиться мысль, разъ онѣ охватили ее. Наканунѣ моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ послѣ утомительно жаркаго дня, я остановилась среди поля въ мѣстности довольно красивой. Крестьянини

живописно одѣтыя по обычаю страны возвращались съ работъ и въ пѣсняхъ Украйны воспѣвали любовь и свободу, но непонятная грусть и печаль слышались въ этой мелодіи. Я попросила ихъ поплясать, и онѣ согласились. Я не знаю ничего болѣе миловиднаго, граціознаго, какъ эти народныя пляски; въ нихъ выливается непосредственная красота, которою природа обогащаетъ искусства; въ нихъ вы найдете и долю стыдливаго сладострастія. Индійскія баядерки, по моему, должны воплощать это сочетаніе истомы и живости, въ которомъ заключается прелесть Русской пляски. Эта истома и эта живость говорятъ о мечтательности и страстности, двухъ чертахъ народнаго характера, которыхъ не коснулась еще образованность, котороя она не успѣла еще видоизмѣнить, ни усмирить. Я была поражена милой веселостью этихъ крестьянокъ, какъ поражена была видѣть ее въ различныхъ оттѣнкахъ у большинства людей, съ которыми имѣла дѣло въ Россіи. Я воображаю, какъ страшны бывають они, когда ихъ страсти возбуждены: у нихъ нѣтъ выдержки, какую даетъ воспитаніе, и обуздать свою страстность они не въ силахъ. Вслѣдствіе невѣжества, какое господствуетъ въ ихъ средѣ, требованія нравственности развиты слабо: кражи весьма часты въ Россіи, но на ряду съ ними развито и гостепріимство. Русскіе даютъ вамъ и берутъ отъ васъ, слѣдуя непосредственнымъ чувствамъ своимъ, великодушію или хитрости: и то, и другое развито въ этомъ народѣ. Въ подобномъ образѣ жизни много общаго съ дикарями: но мнѣ кажется, что теперь только тѣ народы сильны, которые не вышли изъ состоянія, какое мы бы назвали варварскимъ, то есть необразованнымъ, или тѣ, которые свободны. Народы, вполне образованные, равнодушны къ рабству, помышляютъ только о личномъ благосостояніи, и тѣмъ, которые вынесли изъ образованности лишь умѣнье разсуждать о могуществѣ и рабствѣ, суждено быть побѣжденными. Я часто думаю, что представляютъ собою теперь мѣста, котороя я видѣла такими тихими, гдѣ тѣ милыя молодыя дѣвушки, тѣ крестьяне съ длинными бородами, въ которыхъ было столько покорности волѣ Провидѣнія: быть можетъ, они уже погибли; быть можетъ, принуждены были бѣжать, ибо никто изъ нихъ не отдался въ руки непріятеля. Любопытно отмѣтить, какъ проявляется въ Россіи общественное самосознаніе. Слава побѣдоносности, которую доставили этому народу безчисленные успѣхи его войскъ, горделивое самомнѣніе знати и способность самопожертвованія, которая такъ сильна въ народѣ, вѣра, влияніе которой глубоко и могуче, ненависть къ иноземцамъ, которую старался искоренить Петръ I-ый, желая сдѣлать страну просвѣщенной, но которая все же осталась въ крови Русскихъ и пробуждается при всякомъ случаѣ, все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ народъ могучимъ. Нѣсколько темныхъ анекдо-

товъ о предшествовавшихъ царствованіяхъ, какіе-то Русскіе, промотавшіеся въ Парижѣ, да остроумные слова Дидеро, составили Французамъ представленіе, что Россія состоитъ лишь изъ развращеннаго двора, придворныхъ камергеровъ да крестьянъ-рабовъ. Если бы это соотвѣтствовало дѣйствительности, это было бы ужасно. Надо хорошо взглянуть въ этотъ народъ, чтобы узнать его: мнѣ пришлось наблюдать его при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ представился весь, въ пору несчастій и воодушевленія, время самое удобное для наблюденія. Не лишнимъ будетъ повторить, что народъ этотъ созданъ изъ противоположностей поразительно рѣзкихъ. Быть можетъ, совмѣщающіяся въ немъ Европейская культура и Азіатскій характеръ тому причина. При встрѣчѣ Русскіе такъ ласковы, что съ первыхъ же дней чувствуешь себя съ ними другомъ, какимъ, пожалуй, не почувствуешь съ инымъ черезъ десять лѣтъ. Молчаливость Русскихъ совершенно особенная; они молчатъ тогда, какъ предметъ ихъ живо занимаетъ. Впрочемъ, иногда они очень разговорчивы; но разговоръ ихъ не больше какъ любезность: въ немъ не выражаютъ они ни своихъ чувствъ, ни своихъ мнѣній. Часто сравнивали ихъ съ Французами; но я думаю, что это сравненіе въ высшей степени ошибочно. Гибкость ихъ природы дѣлаетъ Русскихъ способными подражать во всемъ. Сообразно съ обстоятельствами они могутъ держать себя какъ Англичане, Французы, Нѣмцы, но никогда они не перестаютъ быть Русскими, т. е. пылкими и въ тоже время осторожными, болѣе способными къ страсти, чѣмъ къ дружбѣ, болѣе гордыми, чѣмъ мягкими, болѣе склонными къ набожности, чѣмъ къ добродѣтели, болѣе храбрыми, чѣмъ рыцарски-отважными и такими страстными въ своихъ желаніяхъ, что никакія препятствія не въ состояніи удержать ихъ порыва. Русскіе гораздо гостепріимнѣе Французовъ: но у нихъ общество не состоитъ, какъ у насъ, изъ круга развитыхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ доставляетъ удовольствіе взаимный обмѣнъ мнѣній. Собираются вмѣстѣ, какъ на какой-то праздникъ, гдѣ можно встрѣтить много посѣтителей, найти вкусные плоды, видѣть рѣдкости Европы и Азіи, послушать музыки, поиграть, однимъ словомъ, ищутъ развлеченій въ предметахъ внѣшнихъ, а не удовлетворенія запросовъ ума и сердца; ихъ потребность взаимнаго общенія удовлетворяется чисто-дѣловыми сношеніями, а не обществомъ. Кромѣ того, будучи вообще очень мало образованы, они не находятъ удовольствія въ дѣльныхъ разговорахъ; блистать умомъ у нихъ не льститъ самолюбію. Поэзія, краснорѣчіе, литература еще совсѣмъ не развиты въ Россіи. Гордости и честолюбію у Русскихъ льстятъ лишь роскошь, могущество и храбрость. Всѣ другіе способы отличиться кажутся еще этому народу извѣженностью и пустою забавою.

Но намъ возразятъ: вѣдь народъ находится въ рабствѣ; какой характеръ можемъ предполагать у него? Конечно, было бы лишнее говорить, что всѣ просвѣщенные люди желаютъ Русскому народу выдти изъ этого состоянія, и навѣрно императоръ Александръ желаетъ этого больше всѣхъ; но рабство въ Россіи, въ своей сущности, не похоже на то рабство, какъ мы его понимаемъ на Западѣ. Здѣсь не побѣдители подчинили побѣжденныхъ суровымъ законамъ, какъ это было во время феодальнаго правленія; отношеніе господъ къ народу похоже скорѣе на отношеніе къ челяди у древнихъ, нежели на отношеніе крѣпостныхъ нашего времени. Третьяго, или средняго, сословія въ Россіи не существуетъ вовсе; это большое препятствіе процвѣтанію наукъ и искусствъ, ибо зачастую въ этомъ третьемъ классѣ развиваются таланты; однако по отсутствію промежуточнаго звена между господами и народомъ, между ними существуетъ больше взаимной привязанности. Разстояніе между двумя сословіями кажется значительнѣе потому, что между обѣими крайностями нѣтъ ступеней, а въ дѣйствительности они соприкасаются гораздо тѣснѣе потому, что ихъ не различаетъ средній классъ. Такимъ общественнымъ устройствомъ весьма задерживается просвѣщеніе вышнихъ классовъ, но оно не служитъ въ ущербъ благополучію низшихъ. Впрочемъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ представительнаго строя, гдѣ государь соединяетъ въ себѣ законодательную и исполнительную, люди часто болѣе чувствуютъ униженіе, жертвуя своимъ убѣжденіемъ и своимъ характеромъ, чѣмъ въ этомъ огромномъ государствѣ, гдѣ простыя понятія о всѣхъ и о родинѣ управляютъ несмѣтнымъ множествомъ народа, руководимаго нѣсколькими вождями. Огромное пространство Русскаго государства тоже содѣйствуетъ тому, что деспотизмъ господъ не ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на народъ; наконецъ, болѣе всего надъ умами господствуетъ духъ вѣры и воинственности. И можно навѣрно сказать, что онъ поведетъ Русскихъ отъ ихъ заблужденій къ великимъ и прекраснымъ подвигамъ. Одинъ умный человѣкъ выразился, что Россія похожа на Шекспировскія пѣсы, гдѣ все величественно, что не ошибочно, и все ошибочно, что не величественно. Это замѣчаніе весьма вѣрно; но въ то опасное время, когда я проѣзжала страну, первыми предметами удивленія были сила сопротивленія и готовность къ жертвамъ, которую выказалъ этотъ народъ. Видя такія добродѣтели, никто не осмѣлился бы замѣтить недостатки, какіе можно было бы порицать въ другое время.

Еще издали завидите вы золоченые куполы Московскихъ церквей. Москва стоитъ среди равнины; вѣдь и вся Россія ничто иное, какъ огромная равнина. и потому, подъѣзжая къ большому городу, вы даже

можете не замѣтить его обширности. Кто-то справедливо замѣтилъ, что Москва скорѣе деревня, нежели городъ. Все смѣшалось тамъ. лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточнымъ, церкви, общественныя учрежденія, пруды, роши и парки. Вы найдете въ этомъ огромномъ городѣ все разнообразіе нравовъ и племенъ, составляющихъ Россію. Не желаете-ли вы, говорили мнѣ, купить Кашемировую шаль въ Татарской части? Видѣли вы Китай-городъ? Азія и Европа соединены въ этомъ огромномъ городѣ. Въ немъ живетъ свободнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ на все дворъ неизбѣжно кладетъ отпечатокъ. Знатные жители Москвы за мѣстами, за положеніемъ не гонятся, но большими пожертвованіями доказываютъ свою любовь къ отечеству: въ мирное время они жертвуютъ на общественныя учрежденія, во время войны на военныя дѣйствія. Огромныя богатства Русскихъ вельможъ идутъ на разнообразныя коллекціи, на предирія и на пиры, подобныя пирамъ Тысячи и одной ночи, но часто необузданно-страстные обладатели богатствъ прожигаютъ ихъ безцѣльно и безумно. Когда я пріѣхала въ Москву, всѣ говорили лишь о жертвахъ, которыя приносились на войну. Молодой графъ Мамоновъ ставилъ свой полкъ и самъ хотѣлъ служить въ немъ только подпоручикомъ. Графиня Орлова, по азіатски любезная и богатая, жертвовала четвертую часть своихъ доходовъ. Когда я проходила мимо дворцовъ, окруженныхъ обширными, какъ въ деревняхъ, садами, мнѣ говорили, что вотъ владѣлецъ этого далъ государству тысячу крестьянъ, тотъ двѣсти. Мнѣ странно было слышать выраженіе „дать людей“; но надо сказать, что сами крестьяне шли на войну съ воодушевленіемъ, и на войнѣ господа были лишь ихъ руководителями. Какъ только Русскій поступаетъ въ солдаты, ему брѣютъ бороду, и съ того времени онъ свободенъ. Предполагали дать свободу всѣмъ шедшимъ на военную службу; тогда бы вся страна оказалась свободной, ибо на войну поднялись почти всѣ. Будемъ надѣяться, что государству удастся провести безъ особыхъ потрясеній столь желанное освобожденіе подневольныхъ. Но съ бородой не такъ легко расставались: она придавала много силы и достоинства лицу. Русскій съ его долгой бородой не пройдетъ мимо церкви, чтобы не перекреститься. Глубоко трогательна вѣра Русскихъ въ образъ. Убранство церквей отличается роскошью; вкусъ къ роскоши, вообще свойственный Русскимъ, сближаетъ ихъ съ Азіей, вы видите въ церкви лишь золото, серебро, рубины. Рассказываютъ, что кто-то изъ Русскихъ предлагалъ написать Библію буквами, составленными изъ драгоценныхъ камней. Онъ зналъ, что этимъ возбудитъ любовь къ чтенію, подѣйствовавъ на воображеніе. Удивительно, что этотъ даръ воображенія не проявился еще ни въ искусствахъ, ни въ поэзій. Русскіе во всѣхъ

областяхъ могутъ быстро достигнуть опредѣленной точки успѣха, но дальше они не идутъ. Первые шаги дѣлаютъ всегда произвольно и лишь вторые стараются обдумать. Надо сказать, что вообще Русскіе, столь непохожіе на жителей Сѣвера, до настоящаго времени не показали себя способными къ глубокомыслію. Нѣкоторые дворцы въ Москвѣ, для ускоренія постройки, воздвигнуты изъ дерева: народъ отъ природы непостояненъ во всемъ, кромѣ вѣры и любви къ родинѣ, склоненъ и любить перестраивать свое жилище. Многіе изъ этихъ прекрасныхъ зданій воздвигались для какого-нибудь праздника, предназначались для блеска лишь одного дня; при сооруженіи ихъ затрачивались огромныя богатства, и они сохранились до роковаго дня всеобщаго разрушенія. Многіе дома выкрашены разноцвѣтными красками: зеленой, желтой, розовой, и рѣзба на нихъ, ихъ тщательна, какъ украшеніе десерта.

Кремль, эта крѣпость, служившая опорой Русскимъ царямъ въ борьбѣ съ Татарами, окруженъ высокой зубчатой стѣной съ башнями по угламъ; башни своей странной формой похожи скорѣе на Турецкіе минареты, чѣмъ на укрѣпленія; въ этомъ ихъ сходство съ крѣпостными башнями Востока. Но хотя внѣшній видъ городскихъ строеній носить восточный характеръ, вліяніе христіанства сказывается повсюду. () немъ говоритъ множество церквей, которыя столь почитаемы въ Россіи и которыя въ этомъ городѣ привлекаютъ вашъ взоръ на каждомъ шагу. Невольно сравниваешь Москву съ Римомъ, но не потому, что она имѣетъ сходство съ нимъ въ стилѣ своихъ зданій, этого нѣтъ: но удивительное сочетаніе сельской тишины и пышныхъ дворцовъ, обширность города и безчисленное множество церквей сближаютъ Римъ Азіи съ Римомъ Европы. Мнѣ довелось видѣть внутренность Кремля въ первыхъ числахъ Августа. Я входила туда по лѣстницѣ, по которой нѣсколько дней тому назадъ шелъ императоръ Александръ. Его окружало необъятное множество народа, всѣ благословляли его и клялись до послѣдней капли крови защищать отечество. Свое слово они сдержали. Сначала мнѣ открыли залы, въ которыхъ хранилось оружіе Русскихъ воиновъ. Подобные арсеналы другихъ странъ заслуживаютъ бѣльшаго вниманія. Русскіе не пережили рыцарства, они не принимали участія въ Крестовыхъ походахъ. Военственный духъ Русскихъ воспитывался въ войнахъ съ Татарами. Поляками и Турками среди жестокостей, которыя поддерживались съ одной стороны дикостью Азіатскихъ народовъ, съ другой лютостью тирановъ, правившихъ Россіей. Ихъ отвага не благородное мужество Баярдовъ и Персіевъ, но неустрашимость неистовой храбрости, которою жила Россія въ продолженіи многихъ вѣковъ. Впервые выступивъ въ Европейскомъ обществѣ, Русскіе

не обнаружили духа благороднаго рыцарства, который такъ свойственъ народамъ Запада; они показали себя безжалостно страшными къ своимъ недругамъ. Постоянныя усобицы въ Русской исторіи до Петра Великаго и даже послѣ него дурно отразились на нравственности народа, особенно въ высшихъ классахъ: деспотическое правленіе, единственнымъ исходомъ изъ котораго было убійство самаго тирана, уничтожало сознание чести и долга въ умахъ народа. Но любовь къ отечеству и преданность вѣрованіямъ вышли сильными и непреклонными изъ всѣхъ кровавыхъ бѣдствій исторіи, а народъ съ такими добродѣтелями можетъ еще удивить міръ.

Изъ арсенала меня повели въ покои древнихъ Русскихъ царей: тамъ хранятся одѣянія, въ которыя облачались они въ дни вѣнчанія на царство. Ничего красиваго въ этихъ покояхъ нѣтъ, но ихъ убранство согласуется со строгостью жизни, которую вели раньше да и теперь ведутъ Русскіе цари. Во дворцѣ Александра царить пышное великолѣпіе, но онъ самъ спитъ на жесткой постели и путешествуетъ какъ простой казацкій офицеръ. Въ Кремлѣ показываютъ двойной тронъ, который сдѣланъ былъ для Петра и его брата Іоанна. Ихъ сестра царица Софія ставала обыкновенно за мѣстомъ Іоанна и подсказывала ему, что онъ долженъ былъ говорить. Но несамостоятельность Іоанна скоро должна была уступить врожденнымъ силамъ Петра, и онъ одинъ завладѣлъ престоломъ. Начиная съ его царствованія Русскіе цари перестали носить Азіатскія одежды. При Петрѣ Россія увидѣла парякъ эпохи Людовика XIV-го. Не умаляя своего восхищенія передъ этимъ великимъ человѣкомъ, я все же скажу, что весьма неприятнымъ является въ немъ противоположность необузданной силы дарованій со стремленіемъ провести церемонную правильность въ одѣждѣ. Имѣлъ ли онъ поводъ искажать восточныя нравы своего народа, имѣлъ ли онъ право переносить столицу на Сѣверъ, на границу имперіи? Это большой вопросъ и еще не рѣшенный; лишь вѣка могутъ дать на него отвѣтъ.

Я всходила на соборную колокольню, называемую колокольней Ивана Великаго. Съ нея открывается видъ на весь городъ. Оттуда смотрѣла я на дворцы царей, покорившихъ своимъ оружіемъ царства Казанское, Астраханское и Сибирское. Я слушала пѣніе въ церкви, гдѣ служилъ экзархъ Грузіи; въ немъ можно видѣть представителя христіанскаго единенія Азіи и Европы. Сорокъ сороковъ церквей свидѣтельствовали о набожности жителей Москвы. Торговыя учрежденія Москвы тоже носятъ Азіатскій характеръ. Люди въ чалмахъ и въ разнообразныхъ восточныхъ костюмахъ раскладываютъ передъ вами рѣдкіе товары; Сибирскіе мѣха, Индійскія ткани могли вполнѣ удовлетворить страсти къ роскоши Русскихъ вельможъ, у которыхъ вообра-

женіе плѣняется и соболями Самоѣдовъ, и рубинами Персовъ. Въ Московскомъ дворцѣ, въ саду Разумовскаго, вы найдете превосходную коллекцію растений и подборъ минераловъ; графъ Бутурлинъ тридцать лѣтъ жизни посвятилъ собиранію прекрасной библіотеки. На нѣкоторыхъ книгахъ, ему принадлежащихъ, сдѣланы помѣтки рукою Петра Перваго. Этотъ великій человекъ и не думалъ, что Европейская образованность, которую онъ такъ ревностно поддерживалъ, придетъ въ Россію лишь для того, чтобы разорять просвѣтительныя учрежденія, которыя основалъ онъ въ странѣ, стремясь образованіемъ воспитать ея неуимчивый духъ. Далѣе находится пріютъ подкидышей, одно изъ наиболѣе чело-вѣколюбивыхъ учрежденій всей Европы. Больницы для людей всѣхъ сословій встрѣчаются въ различныхъ частяхъ города. Наконецъ, кругомъ видишь лишь богатство, дѣла милосердія, роскошныя зданія и благотворительныя учрежденія, церкви и дворцы, которые расточаютъ благодѣянія для значительной части населенія и проливаютъ кругомъ себя блескъ роскоши. Какъ на ладони представились передъ нами всѣ извилины Москвы-рѣки, которая послѣ нашествія Татаръ не видѣла уже потоковъ крови въ своихъ водахъ. День былъ великолѣпный, солнце радостно играло лучами на блестящихъ куполахъ церквей. Мнѣ вспомнился престарѣлый архіепископъ Платонъ, пастырское письмо котораго, написанное къ Александру въ восточномъ духѣ, такъ меня тронуло: онъ посылалъ икону Божіей Матери, чтобы отвратить отъ Россіи чело-вѣка, готоваго покорить Россію. На мгновеніе мнѣ пришла въ голову мысль, что вѣдъ Наполеонъ можетъ придти сюда, очутиться на этой самой башнѣ, съ которой я любовалась городомъ, можетъ уничтожить ее; мелькнула вдругъ и другая мысль, что дерзнетъ онъ стать на мѣсто царское, какъ дерзнулъ завладѣть имъ на время ханъ Золотой Орды. Но небо было такъ безоблачно и прекрасно, что я отогнала свой страхъ. Спустя мѣсяць, этотъ прекрасный городъ былъ обращенъ въ гряду пепла. Этимъ Русскіе заявили, что они опустошатъ всю покоренную врагомъ страну тѣмъ самымъ огнемъ, который онъ принесъ съ собой. Но развѣ Русскіе и ихъ монархъ не искупили своей ошибки? Несчастіе, постигшее Москву, возродило страну; этотъ благочестивый городъ погибъ, какъ мученикъ, пролитая кровь котораго даетъ новыя силы братьямъ, его пережившимъ.

Извѣстный графъ Ростопчинъ, имя котораго столь часто встрѣчается въ приказахъ Государя, пришелъ навѣстить меня и пригласилъ на обѣдъ. При Павлѣ I-омъ онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ бесѣдѣ онъ казался чело-вѣкомъ своеобычнымъ, и можно было предсказать, что онъ обнаружитъ свой рѣшительный и сильный нравъ, когда этого потребуютъ обстоятельства. Графиня Ростопчина любезно

подарила мнѣ сочиненіе, написанное ею о торжествѣ въры. Ея книгу украшаютъ прекрасный слогъ и высокіе нравственные идеалы. Я навѣстила графиню въ ея подмосковномъ имѣніи*); дорога туда лежитъ черезъ лѣсъ и озеро. Съ приближеніемъ Французовъ графъ Ростопчинъ самъ поджегъ это имѣніе, этотъ прелестный уголокъ Русской равнины. Конечно, подобный поступокъ долженъ былъ удивить даже враговъ. Императоръ Наполеонъ сравнилъ графа Ростопчина съ Маратомъ, совершенно забывъ, что губернаторъ Москвы жертвовалъ личнымъ достояніемъ, Маратъ же поджигалъ дома другихъ (а Наполеонъ не допускаетъ въ этомъ разницы). Графа Ростопчина можемъ упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ долго скрывалъ неблагопріятныя извѣстія объ арміи; трудно сказать, себѣ ли онъ этимъ льстилъ, или другимъ. Англичане, съ ихъ удивительною примотою въ нравѣ, всегда отдають отчетъ, какъ въ успѣхахъ, такъ и въ неудачахъ, и у нихъ одушевленіе поддерживается лишь правдою, какова бы она ни была. Русскіе не достигли еще этого нравственнаго совершенства; оно возможно лишь въ государствѣ съ политической свободой.

Ни одна образованная народность такъ не близка къ дикарямъ, какъ Русская, и людей сильныхъ, способныхъ на великій подвигъ, всегда можно упрекнуть въ порокахъ, которые такъ свойственны ихъ необузданной природѣ. Много восхваляли знаменитыя слова Дидеро: „Русскіе стнгли прежде чѣмъ созрѣли“. Я не знаю мнѣнія болѣе ошибочнаго: даже ихъ пороки, за небольшимъ исключеніемъ, мы должніи приписать не ихъ испорченности, но силѣ ихъ нравственнаго закала. Одинъ выдающійся челоуѣкъ сказалъ: „стоитъ Русскому пожелать, и городъ взлетитъ на воздухъ“. Ярость и хитрость смѣняютъ одна другую, когда Русскій рѣшается на какой-либо поступокъ, дурной или хорошей. Скороспѣлое преобразование Петра I отнюдь не измѣнило у Русскихъ характера. Къ своему счастью они пребываютъ еще въ состояніи, которое мы назвали бы варварскимъ; ими управляетъ чутье, подчасъ благородное, но всегда произвольное, которое допускаетъ размышленіе лишь при выборѣ средствъ, но отнюдь не цѣли; я говорю, къ счастью для нихъ, но не потому, что хочу восхвалять варварство; подъ этимъ словомъ я подразумѣваю первобытную мощь, которая лишь одна у народовъ можетъ замѣнить силу гражданской свободы.

Я встрѣтила въ Москвѣ людей просвѣщенныхъ какъ въ наукахъ, такъ и въ литературѣ; но здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, почти всѣ профессорскія каедры заняты Нѣмцами. Во всѣхъ областяхъ Русской жизни чувствуется недостатокъ въ людяхъ свѣдущихъ. Большинство

*) Т. е. въ Сокольникахъ. П. Б.

молодыхъ людей идутъ въ университетъ лишь для того, чтобы выйти скорѣе на военную службу. Чины гражданской службы соотвѣтствуютъ въ Россіи чинамъ военнымъ. Всѣ умы направлены на войну; во всѣхъ другихъ областяхъ, управленія, въ политической экономіи, народномъ просвѣщеніи другіе народы далеко опередили Русскихъ. Однако въ литературѣ Русскіе сдѣлали нѣкоторыя попытки. Мягкость и звучность ихъ языка замѣчаютъ даже тѣ, которые его не понимаютъ: онъ долженъ быть особенно хорошъ въ музыкѣ и поэзіи; но Русскіе, какъ и многіе другіе народы материка пошли по ложному пути, когда стали подражать Французской словесности, которая даже въ достоинствахъ своихъ подходитъ только къ Французамъ. Мнѣ кажется, что Русскіе должны скорѣе черпать образцы словесности у Грековъ, чѣмъ у Римлянъ. Сходство Русскаго письма съ письмомъ Греческимъ, древнія сношенія съ Византійской имперіей и будущія судьбы Россіи, которыя зовутъ ее, быть можетъ, въ Спарту, быть можетъ, въ Аѳины, все должно побуждать Русскихъ изучать Грецію; но главное, необходимо, чтобы ихъ писатели почерпали поэзію изъ тайниковъ своей души. До сихъ поръ ихъ творенія были непрониновенны, а сильная народность никогда не можетъ удовлетвориться такими слабыми приѣмами.

Я покидала Москву съ сожалѣніемъ. Неподалеку отъ города оставилась я въ лѣсу, куда въ праздничные дни приходитъ народъ поплясать и порадоваться солнышку, блескъ котораго такъ непродолжителенъ, сіяніе котораго видятъ они такъ рѣдко даже въ Москвѣ. А что же дальше, къ Сѣверу? Говорятъ, что по мѣрѣ приближенія къ Архангельску становятся все болѣе рѣдкими березовые лѣса, столь утомительные своимъ однообразіемъ; ихъ тщательно оберегаютъ, какъ апельсиновые деревья во Франціи. Направляясь отъ Москвы къ Петербургу, вы видите кругомъ вначалѣ лишь голый песокъ, а затѣмъ безконечныя болота. Когда идетъ дождь, земля становится черной, и тогда уже не найдете дороги. Но все же и здѣсь избы говорятъ о довольствѣ. Крестьяне украшаютъ свои жилища столбиками, вокругъ оконъ вы видите рѣзныя украшенія изъ дерева. Хотя проѣзжала я лѣтомъ, но вездѣ стоялъ передо мною угрожающій признакъ зимы: казалось, онъ скрывался за тучами. Плоды, которые давали мнѣ, были всѣ жесткіе: ихъ созрѣваніе было искусственно ускорено. На розу смотрѣла я съ грустью: она напоминаетъ мнѣ нашъ родной прекрасный край; а цвѣты, казалось, не поднимали уже такъ горделиво своихъ головокъ, какъ будто чувствовали надъ собой леденящую руку Сѣвера, готовую сорвать и уничтожить ихъ.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Новгородъ. Этотъ городъ, шесть сотъ лѣтъ назадъ, былъ республикой и входилъ въ составъ Ганзейскаго

союза. Новгородцы въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранили свой гордый духъ республиканской независимости. Привычно думать, что свобода провозглашена въ Европѣ въ послѣднее столѣтіе; мнѣ же кажется, что она принесла намъ не свободу, а деспотизмъ.

Въ самой Россіи закрѣпощеніе крестьянъ введено было лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ. До царствованія Петра I-го. Государственные указы начинались такими словами: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Петръ I-ый сдѣлалъ неоцѣненное благодѣяніе Россіи, но онъ принизилъ значеніе родовитыхъ вельможъ и объединилъ въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власти: все это дѣлалъ онъ, желая устранить препятствія въ исполненіи его начертаній. Ришелье поступалъ также во Франціи; вотъ почему такъ восхищался имъ Петръ I-ый. Извѣстно, что, увидавъ гробницу Ришелье въ Парижѣ, онъ воскликнулъ: „Великій человѣкъ, я отдалъ бы половину своей страны, лишь бы научиться у тебя управлять другою“. Въ этомъ случаѣ царь былъ очень скромнъ, ибо имѣлъ надъ Ришелье много преимуществъ. Онъ былъ великимъ полководцемъ, и кромѣ того создалъ въ своей странѣ флотъ и насадилъ промышленность, тогда какъ Ришелье былъ лишь тираномъ-правителемъ во внутренней политикѣ и коварнымъ дипломатомъ во внѣшней. Но возвратимся къ Новгороду. Въ 1470 году этимъ городомъ завладѣлъ царь Иванъ Васильевичъ; онъ лишилъ его свободы и приказалъ перевезти въ Московскій Кремль такъ называемый „вѣчевой колоколъ“, звонъ котораго призывалъ гражданъ на площадь, гдѣ они обсуждали свои общія дѣла. Лишившись свободы, Новгородъ сталъ бѣднѣть: его торговля падала и населеніе уменьшалось. Такъ губительно и вредно, говоритъ лучшій Русскій историкъ, сказывается на всемъ неограниченный произволъ самовласти! Въ настоящее время Новгородъ представляетъ необыкновенно печальную картину. Окружающій его валъ свидѣтельствуетъ, что городъ былъ нѣкогда большимъ и населеннымъ; теперь вы видите лишь разбросанные, рѣдкіе дома, обитатели которыхъ кажутся тѣнями рыдающими надъ могилой плитой. Быть можетъ, тоже зрѣлище представляетъ теперь и Москва. Но народъ отвоевалъ ее; онъ же ее и возродитъ.

Безконечныя болота тянутся отъ Новгорода до Петербурга. Когда подъѣзжаешь къ одному изъ самыхъ красивыхъ городовъ міра, кажется, что невидимый волшебникъ чудотворнымъ мановеніемъ жезла перенесъ сюда на пустынную почву все, что есть прекраснаго въ Европѣ и Азіи. Основаніе Петербурга говоритъ намъ о той могучей силѣ Русской воли, которая не знаетъ ничего непреодолимаго. Кругомъ города все низменныя мѣста, и самъ онъ построенъ на болотѣ, и подъ мраморомъ подложены сваи; но, видя величественныя зданія, забываешь

о непрочности ихъ основаній и невольно остановишься въ раздуміи передъ чудомъ, какъ могъ этотъ прекрасный городъ построиться въ такое короткое время. Этотъ народъ, отличается неслыханной настойчивостью въ борьбѣ съ природой и полчищами враговъ. Необходимость дѣлаетъ Русскихъ терпѣливыми и непобѣдимыми, но въ обыкновенной жизни они очень непостоянны.

По приѣздѣ въ Петербургъ первымъ чувствомъ моимъ было желаніе возблагодарить Небо за то, что я нахожусь на берегу моря. Я увидѣла на Невѣ Англійскій флагъ, знакъ свободы, и почувствовала, что могу, поручая себя океану, отдаться подъ непосредственное покровительство Провидѣнія, довѣрившись стихіямъ, а не быть въ зависимости отъ людей, въ особенности же отъ человѣка, который, кажется, пришелъ для возстановленія злыхъ началъ на землѣ.

Противъ дома, въ которомъ я поселилась въ Петербургъ, находится статуя Петра I-го. Онъ представленъ сидящимъ на конѣ, который, на дыбахъ, взбирается на крутой утесъ посреди змѣй, задерживающихъ его шагъ. Правда, змѣи помѣщены тамъ, чтобы поддерживать громадную тяжесть коня и всадника. Но идея памятника мало удачна: въ дѣйствительности государь никогда не боялся зависти, символомъ которой служатъ эти змѣи; пресмыкающіеся не были его врагами, и Петръ I-ый ничего не боялся въ своей жизни, какъ только Русскихъ, которые печалились о старыхъ обычаяхъ страны. Но то обаяніе, которое сохранилось къ его личности, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ благѣ, которое сдѣлалъ онъ для Россіи, ибо сто лѣтъ послѣ своей смерти деспоты уже не имѣютъ льстецовъ. На пьедесталѣ его статуи начертано: „Петру Первому Екатерина Вторая“. Эта простая и тѣмъ не менѣе гордая надпись заслуживаетъ похвалу за свою правдивость. Они двое сумѣли высоко поднять народное сознаніе и внушить народу мысль, что онъ непобѣдимъ; это значитъ уже сдѣлать его таковымъ по крайней мѣрѣ у своего домашняго очага. ибо побѣда есть нѣчто случайное, что зависить чаще отъ ошибокъ побѣжденнаго, чѣмъ отъ дарованій побѣдителя.

Въ Петербургѣ, конечно, нельзя сказать о женщинѣ Французскую пословицу: *elle est vieille, comme les rues* *). ибо улицы имѣютъ совершенно новый видъ. Зданія блистаютъ ослѣпительной бѣлизной, а ночью, освѣщаемая луною, онѣ кажутся громадными бѣлыми привидѣніями, которыя ставъ неподвижно, смотрять за теченіемъ Невы. Я не нахожу ничего особенно красиваго въ этой рѣкѣ, но такихъ прозрачныхъ водъ я не видала нигдѣ. Гранитная набережная длиною въ тридцать верстъ

*) Она стара, какъ улицы.

окаймляетъ ея русло, и величіе этого сооруженія человѣческихъ рукъ достойно хрустальныхъ водъ, которыя оно украшаетъ. Еслибы Петръ I-ый предпринялъ подобныя работы на Югѣ, онъ не получилъ бы того, чего желалъ—флота; но его начинанія на Югѣ болѣе бы отвѣчали духу народа. Русскіе, живущіе въ Петербургѣ, кажутся Южанами. осужденными жить на Сѣверѣ и, выбиваясь изъ силъ, бороться съ климатомъ, который имъ совсѣмъ не привыченъ. Жители Сѣвера, обыкновенно, большіе домосѣды и боятся холода, ибо онъ для нихъ постоянный врагъ. Простонародье въ Россіи совсѣмъ иныхъ привычекъ: кучера зимою ждутъ по десяти часовъ близъ воротъ и не жалуются; они ложатся на снѣгъ подъ повозки и ведутъ образъ жизни Неаполитанскихъ бѣдняковъ на шестидесятомъ градусѣ географической широты. Вы видите ихъ расположившимися на ступеняхъ лѣтницъ, какъ Нѣмцы на своихъ перинахъ. Иной разъ они спятъ стоя, прислонившись къ стѣнѣ головою. То безпечные, то пылкіе, они предаются съ одинаковой страстностью и сну, и неутомимымъ трудамъ. Многіе изъ нихъ большіе пьяницы и тѣмъ отличаются отъ жителей Юга, которые очень трезвы. Но и Русскіе бываютъ трезвы, когда требуютъ этого трудныя обстоятельства войны. Русскіе вельможи тоже Южане по своимъ привычкамъ. Надо посмотрѣть на ихъ дачи, построенныя на острову, образуемомъ Невою, въ обводѣ самого Петербурга. Южныя растенія, благовонія Востока, Азіатскіе диваны украшаютъ ихъ жилища. Огромныя оранжереи, гдѣ зрѣютъ плоды всѣхъ странъ, создаютъ искусственный климатъ. Обладатели этихъ дворцовъ стараются уловить каждый лучъ солнца, пока оно видно на горизонтѣ. Они радуются ему, какъ другу, который скоро уйдетъ отъ нихъ, но котораго знали они нѣкогда въ какой-то болѣе счастливой странѣ.

На другой день моего пріѣзда я отправилась на обѣдъ къ одному изъ купцовъ, особенно уважаемыхъ въ городѣ. Онъ славился Русскимъ гостепримствомъ и всякій разъ, когда обѣдалъ у себя, вывѣшивалъ надъ домомъ флагъ, и этимъ приглашалъ къ себѣ друзей своихъ. Обѣдъ былъ устроенъ на открытомъ воздухѣ, всѣ наслаждались прощальными днями уходящаго лѣта, а подобныя дни на Югѣ Европы даже не называли бы лѣтними. Садъ былъ очень живописенъ, его украшали цвѣты и деревья, но уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома начинались пустыня и болото. Природа окрестностей Петербурга представляется мнѣ вѣчнымъ непріателемъ, который захватываетъ свои права, какъ только человекъ перестаетъ съ нимъ бороться.

На слѣдующее утро я пошла въ церковь Казанской Божіей Матери, построенную Павломъ I по образцу собора Св. Петра въ Римѣ. Внутренность церкви, украшенная многочисленными мраморными ко-

доннами, необычайно красива: само же зданіе мнѣ не нравится, и именно потому, что напоминаетъ храмъ Святого Петра, но отличается отъ него тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше старалпсь подражать ему. Развѣ можно въ два года выполнить то, что стоило цѣлаго столѣтія лучшимъ художникамъ міра? Русскіе затѣмъ предпочли скоростью навестать время, какъ и пространство: но время сохраняетъ только то, что оно создало, а произведенія искусства, которыя, казалось бы, создаются вдохновеніемъ, требуютъ вдумчивой и долговременной обработки.

Изъ храма Казанской Божіей Матери я направились въ Александро-Невскую лавру, посвященную одному изъ доблестныхъ Русскихъ князей, который своими завоеваніями продвинулъ границы Россіи до береговъ Невы. Императрица Елисавета, дочь Петра I-го, перенесла мощи святого въ серебряную раку, на которую богомольцы имѣють обыкновеніе класть монету, когда просятъ о чемъ либо святого. Въ Александро-Невской лаврѣ находится гробница Суворова, и памятникъ украшенъ лишь его именемъ. Покойному большаго не надо; но Русскіе не должны довольствоваться этимъ въ увѣковѣченіи памяти челоуѣка, оказавшаго Россіи столько услугъ. Впрочемъ этотъ народъ столь воинствененъ, что геройскіе подвиги удивляютъ его гораздо менѣе, чѣмъ могли бы удивить другихъ. На кладбищѣ Александро-Невской лавры многіе знатные люди воздвигаютъ памятники своимъ предкамъ, но ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не выдѣляется ни красотой художественнаго выполненія, ни величіемъ творческаго замысла. Правда, смерть не производитъ на Русскихъ особенно сильнаго впечатлѣнія, и быть можетъ причиною тому бодрое настроеніе Русскихъ, быть можетъ ихъ непостоянство; но долговременная печаль не въ Рускомъ характерѣ. Они болѣе склонны къ суевѣрію, чѣмъ глубокому благочестивому чувству: суевѣріе связано съ условіями земной жизни, а вѣра съ загробной: суевѣріе основано на сознаніи неизбѣжности судьбы, вѣра на добродѣтели.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Румянцовъ былъ со мной чрезвычайно любезенъ; къ сожалѣнію, онъ былъ такимъ же въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и поддерживалъ его континентальную систему, тогда какъ было бы гораздо лучше, если бы, слѣдуя Англійскимъ министрамъ, отказался отъ нея; какъ только она была нарушена. Безъ сомнѣнія, въ странѣ съ неограниченной властью монарха воля Государя направляетъ все, но санъ перваго министра требуетъ, чтобы одни и тѣже уста не произносили противорѣчивыхъ словъ. Воля государя есть воля всей страны; страна же можетъ мѣнять политику, когда этого требуютъ обстоятельства. Въ лицѣ министра представлено лишь единичное мнѣніе, и оно должно быть одинаково

въ столь важныхъ дѣлахъ въ теченіе всей его жизни. Нельзя себѣ представить человѣка болѣе изысканныхъ пріемовъ и болѣе любезнаго въ обхожденіи съ иностранцами, какъ Румянцовъ. Я была у него, когда стало извѣстно, что посланникомъ Англій назначенъ лордъ Тирконнель и адмираломъ Бентинкъ; какъ тотъ, такъ и другой личности выдающіяся: это были первые Англичане, возвратившіеся на материкъ, съ котораго были изгнаны властью тирана. Послѣ десяти лѣтъ ожесточенной борьбы, послѣ десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ при всѣхъ успѣхахъ и неудачахъ Англичане оставались вѣрны главному правилу своей политики, безусловной добросовѣстности, послѣ этихъ десяти лѣтъ они, наконецъ, возвратились въ страну, которая прежде всѣхъ другихъ сбросила ненавистное иго всемірной монархіи. Ихъ выговоръ, ихъ простота, ихъ гордость обнаруживали въ нихъ людей правдивыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и они знали истинное положеніе дѣлъ, которое Наполеонъ сумѣлъ скрыть отъ людей, читавшихъ лишь его извѣстія и сообщенія его агентовъ. Даже противники Наполеона на материкѣ настолько опутаны и запуганы распространявшейся ложью, что не могутъ уже, какъ мнѣ кажется, довѣряться своему личному мнѣнію; что касается меня, то я держалась всегда собственнаго мнѣнія, отбросивъ всѣ совѣты благоразумія и нерѣдко и низости, которыя душатъ всѣхъ въ Бонапартовской системѣ. Мое происхожденіе не позволяло бы мнѣ отказаться отъ этого, но мой разумъ не всегда былъ бы въ силѣ защищать себя отъ столькихъ софизмовъ. Поэтому я съ душевнымъ волненіемъ опять слушала голосъ Англій, съ которой почти всегда можно жить въ согласіи, когда желаешь заслужить уваженіе честныхъ людей и своей личности.

На другой день графъ Орловъ *) пригласилъ меня на островъ, названный въ честь его Орловскимъ. Этотъ островъ самый живописный изъ всѣхъ, которые образуетъ Нева. Садъ украшенъ тѣнистыми дубами, столь рѣдкими въ этой странѣ. Графъ и графиня Орловы не жалѣютъ средствъ для пріема иностранцевъ, которые находятъ у нихъ и предупредительность, и пышность. Въ ихъ домѣ чувствуешь себя покойно, какъ въ тихомъ сельскомъ пристанищѣ, въ которомъ однако пользуешься всѣми удобствами и роскошью городской жизни. Графъ Орловъ является представителемъ просвѣщенныхъ Русскихъ вельможъ, и его любовь къ родинѣ тронула меня глубиной своей. Въ первый разъ я была у него въ день объявленія мира съ Англійей. Это было въ Воскресенье; въ его саду, открытомъ въ этотъ день для гуляющихъ, мы видѣли много Русскихъ торговцевъ. Они носятъ длинныя бороды и одѣваются

*) Графъ Григорій Владимировичъ. Ш. Б.

какъ мужики, то есть простые крестьяне. Гуляющіе собрались на островъ, чтобы послушать чудную музыку графа Орлова; музыканты исполнили Англійскій гимнъ (God save the King, эту пѣснь свободы поеть страна, которая считаетъ монарха главнымъ ея хранителемъ. Мы были растроганы и отъ души рукоплескали этому гимну, который долженъ стать роднымъ для всѣхъ Европейцевъ. Европейцы должны или служить тираніи, или ненавидѣть ее. Графъ Орловъ подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что сегодня празднуется миръ Россіи съ Англійей. Услышавъ это, они перекрестились и возблагодарили Бога за то, что море вновь открыто для нихъ. Орловскій островъ находится въ серединѣ другихъ острововъ, на которые лѣтомъ переѣзжаютъ Петербургскіе вельможи и даже Государь съ Государыней. Неподалеку находится Строгоновскій островъ; богатый владѣлецъ его выписалъ изъ Греціи очень много цѣнныхъ предметовъ древности. Двери его дома всегда были гостепріимно открыты, и туда могъ идти каждый, кто былъ представленъ хозяину: онъ не назначалъ званыхъ обѣдовъ или ужиновъ, но радушно встрѣчалъ всѣхъ, кто хоть разъ былъ принятъ въ его домѣ. Часто онъ не зналъ и половины тѣхъ лицъ, которыя у него обѣдали; но ему нравилась пышность гостепріимства, какъ нравился всякій блескъ роскоши. Подобные обычаи гостепріимства приняты во многихъ Петербургскихъ домахъ, а потому вполне понятно, что вы не найдете здѣсь тѣхъ оживленныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ Французы. Общество слишкомъ многочисленно, чтобы могла завязаться постоянная и общая бесѣда. Всѣ люди высшаго свѣта отличаются изысканными приѣмами, но они недостаточно образованы; среди людей, близкихъ ко двору и чувствующихъ на себѣ давленіе власти, нѣтъ взаимнаго довѣрія, и они не могутъ понять прелести умственного общенія.

Рѣчь многихъ Русскихъ вельможъ блистаетъ изяществомъ и благородствомъ, такъ что въ началѣ составишь себѣ ложное представленіе объ умѣ и образованности своего собесѣдника. Начало почти всегда блестяще: вашъ собесѣдникъ, будь онъ мужчина или женщина, поражаетъ васъ своимъ умомъ, но часто дѣло не идетъ дальше блестящаго начала. Русскіе совѣмъ не привыкли быть въ бесѣдѣ задушевными и говорить, что думаютъ. Еще недавно Русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что и теперь не могутъ привыкнуть къ разумной свободѣ, которую старается водворить Александръ.

Нѣкоторые Русскіе дворяне пытались блеснуть на поприщѣ словесности, но просвѣщеніе не такъ еще распространено въ Россіи, чтобы обо всемъ этомъ могло составить общественное мнѣніе, основанное на мнѣніи каждаго. Русскіе слишкомъ страстны, чтобы любить

отвлеченныя идеи; ихъ забавляетъ лишь то что на лицо, и у нихъ не было еще ни времени, ни желанія обобщить наблюденія мыслию. Да къ тому же весьма опасно высказываться въ этомъ великосвѣтскомъ, близкомъ ко двору, обществѣ, гдѣ все наблюдаютъ другъ за другомъ, гдѣ такъ часто другъ другу завидуютъ. Молчаніе Востока замѣнили здѣсь слова любезныя, но пустыя и поверхностныя. Эта атмосфера блеска и веселія можетъ плѣнить, но лишь на мгновеніе; она не воспитываетъ челоуѣка, не развиваетъ его дарованій. Люди, которые такъ проводятъ время, не приобрѣтаютъ способности ни къ труду умственному, ни къ другимъ занятіямъ. Совсѣмъ не то встрѣчала я въ Парижскомъ обществѣ. Людей благородныхъ и образованныхъ объединяють бесѣды либо дѣловыя, либо остроумныя.

Царская семья.

Наконецъ мнѣ удалось увидѣть и самого монарха, неограниченнаго въ своей власти ни закономъ, ни обычаями, но умѣряющаго ее своими личными наклонностями. Въ началѣ я была представлена императрицѣ Елисаветѣ, и она показала мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея приемы сдержанны, но то, что говоритъ она, полно жизни. Она черпаетъ свои мысли и чувства изъ источника великихъ и благородныхъ мыслей. Я была тронута, слушая ее; меня поразило въ ней нѣчто невыразимое, что отражало не величіе ея сана, но гармонию ея души. Давно не приходилось мнѣ встрѣчать болѣе тѣсное сліяніе могущества и добродѣтели. Когда я разговаривала съ императрицей, дверь открылась, и императоръ Александръ удостоилъ меня чести бесѣдовать съ собою. Первое, что особенно изумило меня въ немъ, это выраженіе необычайной доброты и величія, которыми озарено его лицо; эти два качества казались нераздѣльны въ немъ. Въ первыхъ же словахъ, сказанныхъ мнѣ, тронула меня благородная простота, съ которой подходилъ онъ къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ Европу. Я всегда считала признакомъ посредственности боязнь говорить о важныхъ вопросахъ, боязнь, которая свойственна почти всѣмъ государямъ Европы. Александръ, наоборотъ, бесѣдовалъ со мною такъ, какъ сдѣлали бы это государственные люди Англіи, которые видятъ силу въ самихъ себѣ, а не въ цѣпи загражденій, которыми можно себя окружить. Александръ, достоинства котораго умышленно не признавалъ Наполеонъ, челоуѣкъ выдающагося ума и рѣдкой образованности, и я не думаю, чтобы онъ могъ найти въ государствѣ министра, болѣе нежели онъ самъ способнаго разбираться въ дѣлахъ и направлять ихъ къ цѣли.

Онъ не скрылъ отъ меня, что сожалѣть о восторгахъ, которые возбуждалъ въ немъ Наполеонъ. Дѣдъ Александра чувствовалъ подобное преклоненіе передъ личностью Фридриха Второго. Подобныя увлеченія необыкновенными личностями основываются всегда на какомъ нибудь благородномъ чувствѣ, но имъ присущи заблужденія и ошибки. Александръ съ рѣдкой проицательностью обрисовалъ впечатлѣніе, какое произвели на него бесѣды съ Бонапартомъ, когда тотъ высказывалъ свои рѣзкія мысли, какъ будто всѣ должны поражаться каждою изъ нихъ вопреки ихъ рѣзкости. Онъ разсказалъ мнѣ о Макиавелистическомъ наставленіи, которое Наполеонъ счелъ нужнымъ преподать ему. „Видите“, говорилъ онъ Александру, „я стараюсь всегда поссорить моихъ министровъ и генераловъ для того, чтобы каждый открывалъ мнѣ недостатки и ошибки своего соперника. Я поддерживаю постоянное соревнованіе своимъ обращеніемъ съ людьми, которые меня окружаютъ: одинъ день отдаю предпочтеніе одному, другой—другому, и никто никогда не можетъ быть увѣренъ въ моей благосклонности“. Какая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ порочная теорія! Вдругъ придетъ человѣкъ, который станетъ выше его и покажетъ всю бесполезность подобной системы. Святое дѣло нравственности состоитъ въ томъ, что она блестяще содѣйствуетъ великимъ успѣхамъ въ нашемъ мірѣ. Тотъ, кто созидаетъ всю святость дѣла, тотъ съ радостью принесетъ ему въ жертву всѣ свои временные успѣхи: а гордецы, которые въ порокахъ своей души видятъ величіе мысли, должны знать, что если безнравственность и блистаетъ иногда остроуміемъ, то истинное величіе и гениальность—лишь въ добродѣтели. Увѣренная въ чистосердечности Александра въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ, я въ тоже время была убѣждена, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей Германіи и не заключитъ мира съ врагомъ властителей и народовъ. Душа благородная не можетъ дважды обмануться въ одномъ человѣкѣ. Довѣряется и разочаровывается Александръ не сразу; онъ относится къ такимъ перемѣнамъ, немного подумавъ. Молодость и внѣшнія преимущества Государя наводили на подозрѣніе о легкомысліи его характера; но онъ вдумчивъ, какъ человѣкъ, испытавшій несчастье. Въ разговорѣ со мной Александръ выразилъ сожалѣніе, что онъ не полководецъ. На эту благородную скромность я замѣтила, что труднѣе быть государемъ, чѣмъ генераломъ, а поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа—значитъ выиграть главное сраженіе и одержать побѣду, которой еще не было равной. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и объ его великой будущности. Онъ сказалъ мнѣ о своемъ желаніи (которое признаетъ за нимъ весь міръ) улучшить положеніе крестьянъ, еще закованныхъ цѣпями

рабства: „Государь, сказала я, въ вашемъ характерѣ есть залогъ конституціи для вашего государства, и ваша совѣсть тому порукой“.— „Если бы это было такъ, то я не былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью“. Прекрасныя слова и, думаю, въ своемъ родѣ первыя, произнесенныя государемъ съ неограниченной властью. Сколько доблести нужно, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи самому деспотомъ, сколько доблести, чтобы никогда не злоупотреблять имъ. когда управляемый народъ удивляется и рѣдкой умѣренности власти. Въ Петербургѣ высокопоставленные господа менѣе свободолюбивы въ своихъ началахъ, чѣмъ самъ государь. Привыкшіе къ неограниченному господству надъ своими крестьянами. они хотятъ, чтобы монархъ такъ же былъ всемогущъ для того, чтобы поддерживать іерархію деспотизма. Сословія городского или буржуазіи еще не существуетъ въ Россіи, но она начинается уже развиваться: сыновья священниковъ, купцовъ, нѣкоторые крестьяне. получившіе свободу отъ своихъ господъ, чтобы поступить въ артисты, могутъ считаться зачатками третьяго сословія въ государствѣ. При томъ Русская знать не похожа на знать Германіи или Франціи: въ Россіи считаешься знатнымъ, когда достигнешь военнаго чина. Безъ сомнѣнія, знатныя семейства, каковы Нарышкины, Долгорукіе, Голицыны и др. всегда будутъ занимать первыя мѣста въ государствѣ: однако вѣрно и то, что аристократическія привилегіи имѣютъ люди, которые по волѣ государя вдругъ сдѣлались знатными, и изъ-за честолюбія гражданъ стремятся къ тому, чтобы ихъ сыновья достигли офицерскихъ чиновъ и числились состоящими въ классѣ привилегированныхъ. Потому и воспитаніе кончается на пятнадцатомъ году: всѣ спѣшатъ поступить въ военное сословіе, во что бы ни стало, о прочемъ же заботы нѣтъ. Конечно, не время теперь осуждать порядокъ вещей въ странѣ, выступившей на непріятеля. Въ болѣе спокойное время можно было бы открыто сказать истину, что у націи много мощи и величія, но у нея нѣтъ порядка. не распространено просвѣщеніе. Это замѣтно и въ общемъ ходѣ управленія и въ дѣйствіи отдѣльныхъ лицъ. Петръ I, причисляя Россію къ Европейскимъ державамъ, безъ сомнѣнія придалъ ей много добра: но за то онъ утвердилъ въ ней деспотизмъ, подготовленный его отцомъ. Но Екатерина II, не будучи сторонницей неограниченной власти, нѣсколько ослабила ея тяготу. Если бы политическія условія водворили миръ въ Европѣ, и если сѣятель зла не тревожилъ бы народы, то Александръ посвятилъ бы всѣ заботы свои улучшенію благосостоянія своей страны, и онъ обдумалъ бы законы, могущіе обезпечить странѣ благосостояніе. Только отъ него можетъ ждаться себѣ блага Россія.

Отъ императора я направилась къ его уважаемой матери. Никакая клевета не могла пробудить къ ней чувства неблагожелательнаго отъ ея супруга, ея дѣтей или отъ несчастныхъ семействъ, которымъ она покровительствовала. Я ниже расскажу, какъ она править своимъ царствомъ благотворительности, которое создала она въ всемогущемъ царствѣ своего сына. Она живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, и ходъ въ ея покои идетъ черезъ залу, построенную Потемкинымъ. Зала эта поражаетъ своей огромностью. Часть ея занята зимнимъ садомъ; видишь растенія и деревья изъ-за колоннъ, окружающихъ центръ. Въ этомъ жилищѣ все исполинскихъ размѣровъ. Замыслы князя были широки и причудливы. Потемкинъ строилъ города лишь для того, чтобы императрица ихъ видѣла во время своего путешествія, приказывалъ штурмовать крѣпость, чтобы понравиться красивой княгинѣ Долгорукой, не удостоившей его своего вниманія. Любви къ отечеству послѣ любви къ Богу есть одно изъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ, испытываемыхъ человѣкомъ. Только родина должна сильно отличаться отъ другихъ странъ, окружающихъ ее, чтобы внушить къ себѣ глубокую привязанность. Народы, сливающіеся другъ съ другомъ своими особенностями или такіе, которыхъ исторія раздѣлила на нѣсколько областей, не преданы съ истинной любовью условному союзу, которому они дали имя родины.

Я провела день на дачѣ камергера двора Нарышкина, человѣка любезнаго, общительнаго и вѣжливаго, но большого любителя всякихъ празднествъ: по нему можно составить себѣ понятіе о перемѣнчивости вкусовъ, обнаруживающей недостатки и свойства Русскихъ. Домъ Нарышкина всегда открытъ; когда у него на дачѣ соберется не болѣе двадцати человѣкъ гостей, онъ сучааетъ въ подобномъ философскомъ уединеніи. Учтивый къ иностранцамъ, всегда суетливый и тѣмъ не менѣе не забывающій какъ должно вести себя при дворѣ; ищущій пищи для своего воображенія и находящій ее лишь въ вещахъ, а не въ книгахъ; вездѣ нетерпѣливый, только не при дворѣ, остроумный, когда ему это выгодно, склонный скорѣе къ роскоши, чѣмъ властолюбивый, стремящійся во всемъ къ извѣстному Азіатскому величію, въ которомъ богатство и положеніе предпочитаются личнымъ достоинствамъ. Его дача такъ пріятна, какъ можетъ быть пріятна природа, созданная рукою человѣка: всѣ ея окрестности безводны и болотисты: это имѣніе точно оазисъ. Взойдя на террасу, видишь Финскій заливъ, и въ дали на берегу виднѣтся дворецъ, построенный Петромъ I-ымъ; разстояніе отдѣляющее море отъ дворца почти невоздѣлано, и лишь паркъ Нарышкина восхищаетъ взоры. Мы обѣдали въ домѣ Молдаванъ, то есть въ заѣздѣ, построенной во вкусъ этого народа; она была приспособлена для защиты отъ солнца, предусмотрительность почти

излишняя въ Россіи. И здѣсь кажется, что живешь у народа, лишь случайно поселившись на Сѣверѣ: Русскіе во многомъ придерживаются обычая Юга, какъ будто намѣрены въ Петербургѣ водворить климатъ своей древней родины. Столъ былъ уставленъ плодами всѣхъ странъ, сообразно восточному обычаю выставлятъ на видъ лишь плоды, въ то время какъ толпа служителей обноситъ каждаго изъ гостей мясомъ и зеленью. Мы слушали музыку рѣдкаго и извѣстнаго въ Россіи оркестра. Состоялъ онъ болѣе чѣмъ изъ двадцати музыкантовъ, и каждому изъ нихъ назначено брать особую ноту; по названію этой ноты даютъ кличку и самому музыканту. Такъ, напримѣръ, когда проходитъ одинъ изъ нихъ, говорятъ: „вотъ это соль“, другой—вотъ это „ми“ или „ре“ Нарышкина. Исполненіе оркестра отличалось постепеннымъ *crescendo*. Эту музыку кто-то назвалъ „живымъ органомъ“. Подобнаго рода игра производитъ хорошее впечатлѣніе, но не на близкомъ разстояніи; точность и чистота гармоніи возбуждаютъ самыя возвышенныя чувства, но подойдя ближе къ этимъ жалкимъ исполнителямъ, слыша одни трубные звуки, не выражающіе никакихъ душевныхъ настроеній, получаешь разочарованіе. Непріятно видѣть, какъ изящное искусство сводится къ искусству механическому и художественное произведеніе разучивается черезъ механическія же упражненія. Затѣмъ жители Украины, въ красныхъ одѣяніяхъ, стали пѣть мелодичныя народныя пѣсни. И были тѣ пѣсни, то радостныя, то грустныя: онѣ иногда рѣзко обрываются, какъ будто воображеніе этого народа не въ силахъ закончить то, что ему нравилось съ начала, или задерживать прелесть именно въ минуту, когда она наиболѣе властно и сильно дѣйствуетъ, подобно тому, какъ султанша въ „Тысячѣ и одной ночи“ прерываетъ разсказъ, когда вниманіе наиболѣе возбуждено.

Во время этихъ разнообразныхъ увеселеній вельможный Нарышкинъ предложилъ провозгласить здравицу за успѣхъ объединеннаго оружія Русскихъ и Англичанъ, и въ это время далъ знакъ своей артиллеріи, почти столь же громкой, какъ артиллерія любого Государя. Восторгъ объялъ всѣхъ гостей, меня же душили слезы. Недоставало еще, чтобы чужой властелинъ заставилъ меня желать пораженія Французамъ! Я тогда сказала въ отвѣтъ, что желаю пораженія тому, кто притѣсняетъ какъ Французовъ, такъ и Европу, и его паденіе для истинныхъ Французовъ будетъ торжествомъ. Англичане, Русскіе и самъ Нарышкинъ выразили одобреніе моимъ чувствамъ, и имя Франціи, нѣкогда подобное имени Армиды, еще разъ было произнесено съ глубокимъ уваженіемъ къ славнымъ рыцарямъ моря и Востока, шедшимъ въ походъ противъ нея.

Калмыки, со сплюсненнымъ лицомъ, воспитываются у Русскихъ господъ, какъ бы для сохраненія типа Татаръ, которыхъ побѣдили Славяне. Въ этомъ дворцѣ Нарышкина бѣгали два-три такихъ полудикихъ Калмыка. Они довольно пріятны въ дѣтствѣ, но съ двадцатилѣтняго возраста теряютъ всю прелесть юности. Упрямые, хотя и рабы, они забавляютъ господъ упрямствомъ, какъ бѣлка бьющаяся о прутья клѣтки. Этотъ образецъ униженной человѣческой породы производитъ тяжелое впечатлѣніе; мнѣ казалось, что я ясно видѣла посреди всей пышной роскоши, до чего можетъ быть доведенъ человѣкъ, не имѣющей ни религіи, ни закона, и это служило укоромъ всей горделивой пышности.

На долгушахъ, запряженныхъ отличными лошадьми, доставили насъ послѣ обѣда въ паркъ. Дѣло было въ концѣ Августа, когда небо блѣднѣло, и зелень лужаекъ поддерживалась искусственно уходомъ садовника. Самые цвѣты были лишь аристократической прихотью, стоившей большихъ затратъ. Не слышно было даже чириканія птичекъ въ лѣсу, онѣ совѣтъ не довѣряли этому короткому лѣту; на лугахъ не видно было скота: ему не могли бы предоставить пастбищемъ растительность, стоившую столько же заботъ. Вода текла съ помощью машинъ, направлявшихъ ее по саду, гдѣ вся эта природа походила на праздничную декорацию, которую убираютъ прочь съ уходомъ зрителей. Наши коляски остановились передъ садовымъ сараемъ, представляющимъ цѣлый Татарскій станъ: здѣсь мы опять услышали музыку; трескъ и грохотъ трубъ и кимваловъ ошеломляющимъ образомъ дѣйствовалъ на слухъ. Для того, чтобы не слышать его, устроили нѣчто подобное зимнему катанію на саняхъ, быстрота котораго такъ забавляетъ Русскихъ; катались на лодкахъ съ высокой деревянной горы со скоростью молніи. Эта игра восхищала какъ женщинъ, такъ и мужчинъ и доставляла намъ нѣкоторое ощущеніе войны отъ необыкновенной скорости въ виду опасности. Такъ они проводили время почти ежедневно. Это былъ какой-то сплошной праздникъ. Подобное времяпровожденіе у большинства Петербургской знати. У нихъ, какъ видно, не можетъ быть рѣчи о какомъ нибудь собесѣдованіи, и польза ученія въ такомъ обществѣ незамѣтна; когда захотятъ собрать большое общество, такія развлечения представляютъ единственный способъ разогнать скуку, которую всегда наводитъ многолюдная салонная толпа. Можетъ ли быть среди всего этого шума любовь? спросили бы Итальянки, которыя идутъ въ общество лишь для того, чтобы видѣть человѣка, которымъ онѣ хотятъ быть любимы. Я провела слишкомъ мало времени въ Петербургѣ и не могу составить себѣ правильнаго понятія о томъ, чѣмъ держится Русская семья; однако

мнѣ казалось, что съ одной стороны въ нихъ было больше семейныхъ добродѣтелей, чѣмъ могъ бы кто сказать: но съ другой стороны, сентиментальная любовь у нихъ большая рѣдкость. Обычаи Азіи, которые попадаютъ на каждомъ шагу, ведутъ къ тому, что женщины совсѣмъ не вмѣшиваются въ дѣла хозяйства; мужъ управляетъ всѣмъ, а жена только занимается нарядами и принимаетъ гостей по приглашенію. Нравственность въ Петербургѣ теперь гораздо выше, чѣмъ она была при прежнихъ правителяхъ и правительницахъ, которые своимъ поведеніемъ давали дурной примѣръ: двѣ нынѣшнія императрицы заставили любить добродѣтели, которыхъ онѣ сами служатъ образцомъ. Но всетаки законы нравственности не совсѣмъ прочно водворились въ умахъ Русскихъ. Власть повелителя у нихъ столь сильна, что при переходѣ отъ одного царствованія къ другому всѣ взгляды на вещи могутъ подвергнуться коренному измѣненію. Русскіе, мужчины и женщины обыкновенно вносятъ въ любовь свойственную имъ пылкость; но по непостоянству характера они легко измѣняютъ. Подобная неустойчивость ихъ мысли дѣлаетъ счастье для нихъ непродолжительнымъ. Усовершенствованіе духа поэзіей и искусствами весьма рѣдкое явленіе у Русскихъ, и при характерахъ необузданныхъ и пылкихъ любовь есть скорѣе прихоть и вредъ, нежели глубокое разумное чувство. Высшее общество въ Россіи представляетъ какой-то непрерывный круговоротъ: деспотическое правительство развило крайнюю осторожность такъ, что Русскіе обходятъ предметы, могущіе имѣть какія-либо послѣдствія. Такая замкнутость и скрытность при смѣнѣ правительствъ была имъ необходима, и ей объясняется недостатокъ правдивости, въ которомъ обвиняютъ Русскихъ. Утонченность цивилизаціи искажаетъ во всякой странѣ прямоту характера; но когда государь имѣетъ неограниченное право высылать, заключать въ тюрьму и ссылатъ въ Сибирь и т. д., его могущество становится непосильнымъ для человѣка. Можно быть достаточно гордымъ, чтобы пренебрегать благосклонностью, но, чтобы выносить страшныя преслѣдованія, для этого нуженъ героизмъ, а героизмъ свойственъ немногимъ.

Ни одно изъ этихъ сужденій, конечно, не относится къ современному правительству, ибо его верховный вождь въ высшей степени справедливъ, какъ императоръ и особенно великодушнѣе, какъ человѣкъ. Но подданные все еще находятся въ состояніи рабства, которое самъ государь давно уже рѣшилъ устранить. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе этой войны можно было замѣтить, какія добродѣтели выказали Русскіе даже изъ круга придворныхъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ въ обществѣ почти не видно было молодыхъ людей—всѣ ушли въ армію: женатые, единственные сыновья, господа, владѣльцы огром-

наго состоянія служили простыми добровольцами и при видѣ опустошенной страны и своихъ имѣній они не падали духомъ, но воодушевлялись побужденіемъ отомстить и не сдаваться непріятелю. Такія качества спасаютъ народъ отъ беспорядковъ, злоупотребленій и несправедливости, которую причинили ему плохое управленіе, недавняя цивилизація и деспотическія учрежденія.

*

Мы отправились посмотреть кабинетъ естественныхъ наукъ, замѣчательный Сибирскими произведеніями. Мѣха этой страны заманили Русскихъ, какъ Испанцевъ золотые рудники Мексики. Было время въ Россіи, когда размѣнной монетой еще служили мѣха куницъ и бѣлокъ: столь велика была потребность въ защитѣ на зимнее время. Самое замѣчательное въ Петербургскомъ университетѣ—это богатая коллекція костей допотопныхъ животныхъ и особенно остатки исполинскаго мамонта, найденнаго почти нетронутымъ въ Сибирскихъ льдахъ. По геологическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что исторія міра гораздо древнѣе, чѣмъ намъ онъ извѣстенъ. Мысль о безконечности всегда заставляетъ содрогаться. Жители и даже животныя этихъ крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра какъ будто обдаются холодомъ, которымъ дышетъ вся природа на много миль отъ ихъ страны, и цвѣтъ шерсти животныхъ бѣлый, какъ снѣгъ. земля такъ какъ будто теряется во льдахъ, и мгла приостанавливаетъ растительную жизнь. Меня удивилъ видъ жителей Камчатки, которыхъ такъ искусно изобразили въ Петербургскомъ музеѣ. Священники той страны, называемые шаманами, нѣкотораго рода гадатели: они носятъ у себя подъ кафтаномъ изъ древесной коры (лыка) что-то похожее на стальную сѣтку, къ ней привязано нѣсколько желѣзныхъ пластинокъ, бряцаніе которыхъ при каждомъ движеніи гадателя сильно поражаетъ слухъ. Въ минуты вдохновенія они очень подобны людямъ пораженнымъ нервнымъ припадкомъ, и впечатлѣніе, производимое на внимающихъ, похоже скорѣе на колдовство, нежели на силу духа. Внутренняя жизнь въ этихъ печальныхъ странахъ проявляется только въ страхѣ: сама земля, видимо, отталкиваетъ отъ себя человѣка своими ужасами.

Затѣмъ я была въ крѣпости, посѣтила храмъ, гдѣ находятся гробницы всѣхъ государей послѣ Петра Великаго. Эти гробницы стоятъ, какъ бы въ день похороннаго обряда, но не помѣщены въ склепахъ, такъ что чувствуешь себя весьма близко къ этимъ мертвецамъ *).

*) Петропавловскій соборъ состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ. По отношенію къ дарскимъ гробницамъ въ военномъ министрѣ Милютинѣ демалогъ пересилилъ историка. Бывало, въ соборѣ наглядно предъ посѣтителемъ проходятъ вся новая Русская исторія.

Павелъ I вступилъ на престолъ. онъ повелѣлъ короновать останки своего отца, который не получилъ этого почета при жизни, и не могъ быть помѣщенъ въ крѣпости. По повелѣнію Павла I-го совершенъ былъ вторично обрядъ погребенія его отца и матери Екатерины II. Оба гроба снова были выставлены, четыре камергера стояли на стражѣ у ихъ гробовъ, какъ будто скончавшихся наканунѣ, и они были помѣщены рядомъ и примирены лишь подъ властью смерти. Въ числѣ государей, унаслѣдовавшихъ деспотическую власть отъ Петра I-го, есть нѣсколько такихъ, которые свергнуты были съ престола кровавымъ заговоромъ. Тѣже придворные, у которыхъ нѣтъ силы характера, чтобы сказать правду своему государю, способны возмущать народъ противъ него; и это притворство и лицемеріе—неизбѣжные спутники всякой политической революціи; имъ необходимо окружать лестью свою жертву. Однако до чего дошла бы страна, управляемая деспотически, если бы тирану помимо всѣхъ законовъ не угрожалъ кинжалъ? Ужасный выборъ, могущій показать, какого рода эти учрежденія, въ которыхъ преступленіе составляетъ противовѣсъ власти.

Поклонившись праху Екатерины II-ой, я отправилась въ ея лѣтнее мѣстопробываніе (Царское Село). Дворецъ и паркъ устроены съ большимъ искусствомъ и великолѣпіемъ. Воздухъ становился уже холоднѣе, хотя было только 1-ое Сентября, и въ это время большимъ несоотвѣтствіемъ были южные цвѣты, обвѣваемые сѣвернымъ вѣтромъ. Всѣ записи, собранныя о Екатеринѣ II-ой, какъ о государынѣ, возбуждаютъ восхищеніе, и я не знаю, не обязаны ли Русскіе больше ей, нежели Петру I-му увѣренностью въ свою непобѣдимость, принесли имъ столько успѣховъ. Обаяніе женщины умѣряло суровость власти и вело рыцарскую вѣжливость къ побѣдамъ, за которыя ей поклонялись. Екатерина II обладала въ высшей степени здравымъ умомъ правительницы; люди съ большими дарованіями, казалось, менѣе походили на гениальныхъ; ея высокій умъ внушалъ глубокое уваженіе тѣмъ Русскимъ, которые не довѣряли собственному мышленію и вѣрялись ея мудрому руководительству. Невдалекѣ отъ Царскаго Села находится дворецъ Павла I-го, прелестное зданіе; въ немъ вдовствующая императрица съ дочерьми помѣстила лучшія произведенія своего таланта и своего изящнаго вкуса. Они свидѣлствуютъ объ удивительномъ терпѣніи этой матери и ея дочерей, вѣрно хранящихъ семейныя добродѣтели.

Д. А. Милютинъ поручилъ своему обожателю П. П. Арапетову надъ всѣми царскими гробницами устроить одинаковые бѣломраморные памятники. Надписи на нихъ выцвѣли и теперь съ трудомъ читаются; а съ Александра Павловича ключи города Парижа сняты и повѣшены такъ высоко, что ихъ не видать. П. Б.

Я увлеклась новыми впечатлѣніями и не знаю, какъ я забыла о войнѣ, отъ которой зависѣла судьба Европы. Я порывалась высказать всему міру тайныя чувства моей души и была вполне увѣрена, что нечего бояться высказывать истины, которыя, признанныя всѣми, могутъ получить силу. Но между тѣмъ неудачи слѣдовали одна за другой, а общество не было о нихъ освѣдомлено. Одинъ остроумный человѣкъ сказалъ, что въ Петербургѣ все скрываютъ, хотя ничто уже не было тайною, а на самомъ дѣлѣ правду уже предчувствовали (но по привычкѣ молчали). Русскіе сановники скрываютъ наканунѣ то, что должно быть извѣстно сегодня, и правду можно узнать лишь случайно. Одинъ иностранецъ открылъ мнѣ, что Смоленскъ уже взятъ, и Москва находится въ величайшей опасности. Мною овладѣло уныніе. Я опасалась, не произойдетъ ли повтореніе печальной исторіи мира Австріи и Пруссіи послѣ покоренія ихъ столицъ. Я боялась, что третій разъ съ успѣхомъ повторится эта исторія. Я не замѣчала народнаго воодушевленія; непостоянство характера у Русскихъ мѣшало мнѣ наблюдать его. Уныніе сковало всѣ чувства, и я не знала, что у людей съ сильной впечатлительностью послѣ этого унынія послѣдуетъ тоже потрясающее возбужденіе. До возбужденія у простого народа царилъ непонятное равнодушіе: но когда народъ пробудился, перестали существовать для него всѣ преграды и опасности, и онъ не страшась пошелъ впередъ на неровную борьбу съ людьми и стихіями. Я знала, что внутреннее управленіе, какъ военное, такъ и судебное, часто попадало въ руки продажныхъ людей, и что вѣлѣдствіе растратъ невозможно было составить понятія ни о числѣ войскъ, ни о мѣрахъ принятыхъ для его обезпеченія продовольствіемъ: ложъ идти рука объ руку съ воровствомъ въ этой странѣ, гдѣ такъ мало образованія: среднее сословіе не сохранило простодушія крестьянъ и не приобрѣло великодушія бояръ, никакого общественнаго мнѣнія не создано еще въ новомъ третьемъ сословіи, лишившемся простосердечія народной вѣры. Во взаимныхъ отношеніяхъ было тоже замѣтно, что у начальниковъ арміи замѣчалась зависть. Интересы правителя деспотическаго требуютъ всегда возбуждать соревнованіе между его подданными, и воля одного человѣка властная измѣнить судьбу отдѣльной личности, постоянно возбуждаемая надежды и опасенія естественно поддерживаетъ постоянную зависть и соревнованіе, усугубляемая ненавистью къ иностранцамъ. Генераль, командовавшій Русскою арміей, Барклай-де-Толли, хотя и рожденный въ Россіи, не былъ вполне Славянскаго происхожденія, и этого достаточно, чтобы мѣшало ему вести Русскихъ къ побѣдѣ: кромѣ того, онъ направлялъ свои блестящія дарованія на лагерную жизнь, на позиціи, на маневры, между тѣмъ какъ главнымъ

боевымъ приѣмомъ у Русскихъ считается атака (приступъ). Заставлять отступать, даже по мудрому и разумному требованію, значитъ охлаждать въ нихъ пылъ, въ которомъ состоитъ вся ихъ сила. Поэтому слѣдствіе похода было самое печальное, а замалчиваніе о неудачахъ имѣло еще болѣе ужасныя послѣдствія. Англичане въ своихъ газетахъ сообщаютъ всегда наиболѣе точныя свѣдѣнія о всѣхъ раненыхъ, плѣнныхъ и убитыхъ въ сраженіи. Въ этомъ видна благородная искренность правительства, одинаково правдиваго какъ въ отношеніяхъ къ народу, такъ и къ государю и признающаго за обоими право знать, въ какомъ положеніи находятся общественныя дѣла. Съ глубокой скорбью смотрѣла я на прекрасный городъ Петербургъ, которымъ скоро завладѣтъ непріятель и когда вечеромъ возвращалась съ островъ и видѣла золоченый шпиль на крѣпости, сверкавшій въ воздухѣ подобно огненному лучу, въ то время какъ Нева отражала мраморныя набережныя и окружающіе ее дворцы, я представляла себѣ всѣ эти чудесныя творенія померкнувшими отъ высокомерія властелина, готоваго сказать, подобно сатанѣ на вершинѣ горы: „Царства земныя принадлежатъ мнѣ“. Все прекрасное въ Петербургѣ казалось мнѣ близкимъ къ грядущему разрушенію. и я не могла наслаждаться этой картиной безъ чувства скорби.

Я собралась посмотреть воспитательныя учрежденія, основанныя императрицей. и тамъ еще болѣе, чѣмъ среди дворцовъ росла моя тоска: достаточно было дуновенію Бонапартовской тирании коснуться учреждений, имѣющихъ цѣлью совершенствованіе народа, чтобы ихъ чистота исчезла. Институтъ Святой Екатерины*) состоитъ изъ двухъ домовъ, въ каждомъ изъ нихъ воспитывается по сту пятидесяти дѣвицъ дворянскаго и купеческаго сословія; ихъ воспитаніемъ руководитъ сама императрица и доставляетъ имъ все, что можетъ дать богатая семья своимъ дѣтямъ. Порядокъ и изящество замѣчаются даже въ мелочахъ жизни институтской, и въ основу преподаванія изящныхъ искусствъ положены религія и нравственность. Въ Русской женщинѣ много природной граціи, и я, войдя въ залу, гдѣ воспитанницы насъ привѣтствовали, видѣла, сколько учтивости и скромности выразила каждая изъ нихъ въ почтительномъ поклонѣ. Затѣмъ были вызваны дѣвицы, изъ которыхъ каждая отличалась какимъ либо талантомъ, и одна изъ нихъ, зная наизусть отрывки лучшихъ Французскихъ писателей, прочла мнѣ нѣсколько наиболѣе краснорѣчивыхъ страницъ моего отца въ его „Cours de morale religieuse“. Вѣроятно, это нѣжное вниманіе исходило отъ самой императрицы. Я испытала сильное волненіе, когда вдругъ

*) Это Смольный монастырь. П. Б.

услышала слова, столь дорогія моему сердцу. Въ каждой странѣ за предѣлами имперіи Бонапарта грядущее потомство воздастъ справедливость тѣмъ, которые даже въ могилѣ чувствовали удары императорскихъ навѣтовъ. Всякій разъ передъ обѣдомъ воспитанницы въ институтѣ Святой Екатерины пѣли псалмы хоромъ. Это пріятное и звучное пѣніе возбудило во мнѣ умиленіе и грусть. Какъ отразится война на этихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ? Куда скроются эти голубки передъ побѣдителемъ? Послѣ обѣда дѣвушки собрались въ великолѣпномъ залѣ, гдѣ начали танцовать. Ихъ лица не выдѣлялись красотой, но сами онѣ были необыкновенно граціозны; это дочери Востока, которыхъ христіанство воспитало въ скромности. Сначала онѣ исполняли древній танецъ по мелодіи: „Vive Henri quatre, vive se roi vaillant! (Да здравствуетъ Генрихъ IV, да здравствуетъ сей храбрый король). Сколько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ! Двѣ маленькія дѣвочки съ круглыми личиками закончили балетъ Русской пляской: этотъ танецъ пороку принимаетъ слишкомъ развязный видъ, но исполняемый дѣтми становится невинной Русской пляской. Не нахожу словъ описать, какъ я была очарована талантами дѣвушекъ, взлелѣянныхъ нѣжной заботливостью императрицы.

Подъ покровительствомъ государыни находятся институты глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Съ своей стороны императоръ удѣляетъ много заботъ кадетскому корпусу, директоромъ котораго состоялъ генералъ Клинкеръ, человѣкъ большого ума. Всѣ эти учрежденія приносятъ большую пользу, но въ чемъ ихъ можно упрекнуть—это въ излишней роскоши. Было бы цѣлесообразнѣе учредить подобныя школы по всему государству, обставить ихъ не такими удобствами, но позаботиться, чтобы онѣ распространяли въ народъ просвѣщеніе. Все въ Россіи начинается съ роскоши, и кровлю строятъ ранѣ основанія. Есть только два большіе города въ Россіи, Петербургъ и Москва, другіе едва заслуживаютъ этого названія; и кромѣ того, они находятся другъ отъ друга на большомъ разстояніи; даже дворцы вельможъ столь удалены одинъ отъ другаго, что ихъ владѣльцы могутъ сообщаться между собою съ трудомъ. Жители разбросаны по всему пространству государства, и одинъ человѣкъ едва ли можетъ помочь своимъ знаніемъ другому. Крестьяне считаютъ посредствомъ особаго счетнаго прибора: его я видѣла и у служащихъ на почтѣ. Греческіе попы гораздо менѣе образованы, чѣмъ католическіе священники и еще менѣе, чѣмъ протестантскіе пасторы: поэтому духовенство въ Россіи совсѣмъ не способно дѣйствовать на народъ, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ Европы. Связующимъ звеномъ націи служатъ вѣра и любовь къ родинѣ; но нѣтъ у нихъ очага, лучи котораго могли бы разливаться на всѣ

части государства; и объ столицы не въ состояніи еще сообщать провинціямъ пріобрѣтенныя ими знанія по литературѣ и по искусствамъ. Если бы эта страна имѣла возможность пользоваться миромъ, она бы съ успѣхомъ шла по пути преобразованій, начертанныхъ императоромъ Александромъ. Но кто знаетъ, не проявятся ли въ этой войнѣ добродѣтели, вліяніемъ которыхъ возродится народъ. Русскіе до настоящаго времени имѣли даровитыхъ людей лишь на военномъ поприщѣ; во всѣхъ другихъ областяхъ они оказывались лишь подражателями, и книгопечатаніе у нихъ было введено сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Другіе Европейскіе народы развивали свои природныя дарованія вліяніемъ пріобрѣтенныхъ знаній; у Русскихъ не наступило время такого развитія. Подобно тому, какъ двѣ рѣки по сліяніи текутъ въ одномъ руслѣ, не смѣшивая своихъ водъ, такъ и природныя дарованія у Русскихъ не проникаются образованіемъ и часто видимъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ представляется вамъ то Европейцемъ, живущимъ въ общественномъ укладѣ, то Славяниномъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ бурныхъ порывовъ. Талантъ появится у нихъ въ искусствахъ, а въ особенности въ литературѣ, когда они найдутъ средство воплотить въ рѣчи свою природу, какъ они ее проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Я видѣла представленіе Русской трагедіи, предметомъ которой было освобожденіе Москвитянъ, когда они отгѣснили Татаръ къ Казани. Смоленскій князь выступалъ въ боярскомъ нарядѣ, и Татарское войско называлось Золотой Ордою. Эта трагедія почти вся была составлена по правиламъ Французскаго драматическаго искусства; римъ стиховъ, декламація, постановка сценъ, все было Французское: только одно явленіе составлено было въ Русскомъ духѣ: изображался потрясающій ужасъ молодой дѣвушки передъ проклятіемъ своего отца. Авторитетъ родителей у Русскаго народа почти такъ же силенъ, какъ въ Китаѣ, и поэтому силу народнаго генія всегда должно искать въ простомъ народѣ. Люди высшаго общества всѣхъ странъ походятъ другъ на друга, и ни одно изъ сословій такъ мало способно доставлять дѣйствующихъ лицъ трагедіи, какъ нашъ высшій свѣтъ. Во всей Русской исторіи одна личность особенно меня занимаетъ, это Иванъ Грозный. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ осаждалъ Новгородъ. Бояре, видя его дряхлымъ, просили его передать начальство надъ войскомъ его сыну. Это предложеніе привело старика въ страшную ярость, и ничто не могло успокоить его: сынъ бросился ему въ ноги, но онъ оттолкнулъ его съ такой силой, что несчастный умеръ на третій день. Отецъ въ отчаяніи сдѣлался равнодушнымъ какъ къ войнѣ, такъ и къ своей власти, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти сына скон-

чался самъ. Это возмущеніе старика-деспота противъ требованія времени—нѣчто великое и торжественное. Передъ вами первобытный человѣкъ, который живетъ лишь инстинктами: чувства эгоизма и дикой ярости смѣняются нѣжными чувствами человѣколюбія.

Въ Россіи существовали законъ, каравшіи одинаково за увѣчіе руки, какъ и за убійство. Русскій человѣкъ крѣпокъ своей военной силой; всѣ другіе виды дѣятельности, относящіяся къ образованности, къ дѣятельность на пользу общества и государства, слабо развиты въ Россіи. Но женщины, которыхъ встрѣчала я въ Петербургѣ, казались мнѣ воодушевленными горячею любовью къ родинѣ, въ чемъ заключается главное нравственное могущество государства. Княгиня Долгорукая, баронесса Строганова и многія другія изъ высшаго общества лишились своихъ имѣній отъ разоренія въ Смоленской губерніи, но онѣ не падали духомъ, а поощряли другихъ къ подобнымъ жертвамъ. Княгиня Долгорукая рассказывала мнѣ объ одномъ старикѣ съ длинной бородой, который, сидя на горѣ у города Смоленска, со слезами на глазахъ говорилъ своему сыну, котораго держалъ на колѣнахъ: „Въ старину, сынъ мой, Русскіе одерживали побѣды въ далекихъ краяхъ Европы, а теперь чужеземцы нападаютъ на нихъ въ ихъ родинѣ“. Эта скорбь старца не была напрасна, и мы скоро увидимъ, чѣмъ искупятся эти слезы.

*

Императоръ покинулъ Петербургъ, и стало извѣстно, что онъ поѣхалъ въ Або, гдѣ долженъ былъ видѣться съ генераломъ Бернадотте, Шведскимъ княземъ. Тогда не было сомнѣнія, чью сторону принялъ онъ въ нынѣшней войнѣ; отъ этого зависѣло благо Россіи и всей Европы. Мы увидимъ дальше, какое вліяніе имѣло это на ходъ событій. Извѣстіе о вступленіи Французовъ въ Смоленскъ прибыло во время переговоровъ Шведскаго принца съ Русскимъ императоромъ. Здѣсь они обязались никогда не подписывать мира. „Если Петербургъ будетъ взятъ, сказалъ Александръ, отступимъ въ Сибирь. Тамъ я возстановлю древніе обычаи и, по примѣру нашихъ длиннородныхъ предковъ, мы вернемся снова завоевать царство“. „Это рѣшеніе освобождаетъ Европу“, воскликнулъ Шведскій принцъ. Его предсказаніе начинается исполняться. Второй разъ я видѣла императора Александра по его возвращеніи изъ Або, и бесѣда, въ которой я имѣла честь участвовать, насколько убѣдила меня въ твердости его рѣшенія, что, вопреки занятію Москвы и всей послѣдовавшей тревогѣ, я увѣрена была, что онъ не сдастся никогда. Онъ изволилъ мнѣ сказать, что по взятіи Смоленска маршалъ Бертье писалъ Русскому главнокомандующему относительно нѣкоторыхъ военныхъ дѣлъ, и въ концѣ письма

говорилъ о томъ дружескомъ чувствѣ, которое всегда питалъ Наполеонъ къ императору Александру. Но это было насмѣшкой. Наполеонъ далъ Русскому императору урокъ политики и урокъ войны, допуская въ первомъ наглый обманъ, а во второмъ надменное пренебреженіе; но онъ ошибся въ Александрѣ; онъ принялъ благородство его характера за лесть; онъ не сумѣлъ замѣтить, что увлекался имъ Александръ лишь потому, что считалъ его борцомъ за идеи Французской революціи, которымъ самъ горячо сочувствовалъ; но Александръ никогда не имѣлъ намѣренія войти въ союзъ съ Наполеономъ для порабощенія Европы. Наполеонъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ увѣренъ, что онъ сумѣетъ ослѣпить человѣка посредствомъ ложнаго толкованія его собственной пользы, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: онъ встрѣтился съ совѣтью, нравственной силою, которой онъ не зналъ и съ которой онъ никогда не считался. Русскіе очень уважали своего полководца Барклая-де-Толли, но послѣ неудачъ въ началѣ похода онъ долженъ былъ уступить начальство извѣстному генералу, князю Кутузову. Тотъ прибылъ въ армію за шесть только дней до большаго сраженія, даннаго почти у воротъ города (Москвы) при Бородинѣ. Мнѣ довелось видѣть князя наканунѣ его отъѣзда. Это былъ старецъ весьма любезный въ обращеніи; въ его лицѣ было много жизни, хотя онъ лишился одного глаза и получилъ много ранъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ военной службы. Глядя на него, я боялась, что онъ не въ силѣ будетъ бороться съ людьми суровыми и молодыми, устремившимися на Россію со всѣхъ концовъ Европы. Но Русскіе, изнѣженные царедворцы въ Петербургѣ, въ войскахъ становятся Татарами, и мы видѣли на Суворовѣ, что ни возрастъ, ни почести не могутъ ослабить ихъ тѣлесную и нравственную энергію. Растроганная покинула я знаменитаго полководца. Не знаю, обняла ли я побѣдителя или мученика, но я видѣла, что онъ понималъ величіе подвига возложеннаго на него. Передъ нимъ стояла задача возстановить добродѣтели, насажденныя христіанствомъ, защитить человѣческое достоинство и его независимость; ему предстояло выхватить всѣ эти блага изъ когтей одного человѣка: ибо Французы, Нѣмцы и Итальянцы, слѣдовавшіе за нимъ, неповинны въ преступленіяхъ его полчищъ. Передъ отъѣздомъ Кутузовъ отправился помолиться въ церковь Казанской Божіей Матери, и весь народъ, слѣдовавшій за нимъ, громко называлъ его спасителемъ Россіи. Какія мгновенія для простаго смертнаго! Его годы не позволяли ему надѣяться пережить труды похода; однако въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ готовъ пожертвовать жизнью во имя духовныхъ благъ.

Увѣренная въ великодушїи и благородствѣ Шведскаго принца, я рѣшилась ѣхать въ Стокгольмъ прежде, чѣмъ отплыть въ Англію. Къ концу Сентября я покинула Петербургъ, чтобы черезъ Финляндію направиться въ Швецію. Мои друзья, съ которыми я сошлась по родству нашихъ дупъ, пришли проститься со мною: то были Робертъ Вильсонъ, вездѣ ищущій случая состязаться, своимъ бодрымъ духомъ воодушевляющій друзей; господинъ Штейнъ, челоувѣкъ античнаго склада, который живетъ лишь одной надеждой видѣть свое отечество свободнымъ; Испанскій посоль, Англійскій министръ лордъ Тирконелль: остроумный адмиралъ Бентинкъ; Алексій Ноель, единственный Французскій эмигрантъ, бѣжавшій отъ императорской тиранїи, единственный вмѣстѣ со мною представитель Франціи; полковникъ Дёрнбергъ, неустранимый Гессенецъ, котораго ничто не можетъ отклонить отъ его цѣли; такъ же много Русскихъ, прославившихся потомъ своими подвигами. Міровая исторїя не знаетъ времени болѣе тревожнаго, чѣмъ то, которое мы переживали; но это хорошо сознавалъ каждый; единственная я, какъ женщина, не была въ опасности, но мнѣ много уже пришлось пережить. Прощаясь съ этими достойными рыцарями челоувѣчества, я не знала, кого изъ нихъ опять увижу, и вотъ теперь уже не стало двухъ. Когда челоувѣческія страсти въ безумномъ круговоротѣ поднимаютъ однихъ противъ другихъ, когда народы ожесточенно бросаются другъ на друга, тогда съ горечью сознаешь, съ какими бѣдствїями связана челоувѣческая судьба; но когда видишь, какъ челоувѣкъ, передъ которымъ, подобно Лапонскому идолу, изъ страха зажигаютъ кадило, какъ онъ потоками разливаетъ по всей землѣ ужасныя бѣдствїя и несчастїя и дѣлаетъ всѣхъ честныхъ людей своими жертвами: тогда испытываешь несказанный суевѣрный ужасъ.

Въ Финляндіи картина сразу мѣняется; вы видите новую страну. вы имѣете дѣло съ новымъ племенемъ, не-славянскаго происхожденїя. Говорятъ, что Финны пришли прямо изъ сѣверной Азіи и что ихъ языкъ не имѣетъ никакого сходства со Шведскимъ языкомъ, среднимъ между Англійскимъ и Нѣмецкимъ. По облику Финны большею частью вида Германскаго: у нихъ свѣтлые волосы, бѣлый цвѣтъ лица, въ которомъ мало жизни, какую видишь на лицѣ у Русскихъ: ихъ нравы гораздо мягче, и простой народъ обладаетъ сознательной честностью, почерпнутой изъ протестанскаго ученїя, и чистотой нравовъ. Вы видите, какъ по воскресенїямъ дѣвушки возвращаются отъ проповѣди, верхомъ на коняхъ, а молодые люди идутъ пѣшкомъ за ними. У Финляндскихъ пасторовъ встрѣчаешь гостепрїимство и радушный прїемъ: они считаютъ своей обязанностью принимать путешественниковъ, какъ членовъ семьи. Въ Финляндіи почти нѣтъ замковъ, ни вельможъ, и

пасторъ считается первымъ въ ряду съ остальными жителями страны. Преобладающими и первыми жителями страны являются пастухи. Въ Финской пѣснѣ дѣвушка обѣщаетъ подарить своему возлюбленному жилище пастуха, если оно ей достанется при раздѣлѣ. Это напоминаетъ изреченіе молодого пастуха-Француза: „Если бы я былъ царемъ, то пасъ бы моихъ овецъ верхомъ на конѣ“. Даже фантазія у нихъ не простирается за предѣлы имъ извѣстнаго. Природа Финляндіи во многомъ отличается отъ природы Россіи: вмѣсто болотъ и равнинъ, окружающихъ Петербургъ, скалы, горы и лѣса; но эти горы однообразны, а лѣса состоятъ только изъ ели и березы. Огромныя глыбы гранита, разбросанныя на поляхъ и по краямъ большихъ дорогъ, придаютъ видъ мощи странѣ; но около этихъ земныхъ гигантовъ мало жизни, и растительность постепенно исчезаетъ по направленію къ Сѣверу. Мы проѣзжали лѣсомъ, который на половину уничтоженъ пожаромъ: сѣверный вѣтеръ, усиливающий пламя, содѣйствуетъ опустошительнымъ пожарамъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Человѣкъ всѣми средствами борется съ природой въ этомъ ледяномъ климатѣ. Города въ Финляндіи встрѣчаются рѣдко и тѣ немногочисленны. Они не являются средоточіями общественной жизни, въ нихъ нѣтъ живой дѣятельности; это видите вы въ сѣверныхъ городахъ какъ Шведскихъ, такъ и Русскихъ: на восемь зимнихъ мѣсяцевъ все живое погружается здѣсь въ сонъ.

Императоръ Александръ завладѣлъ Финляндіей по Тильзитскому договору въ то время, когда разстроенныя силы царствовавшего тогда Густава IV не были въ состояніи защищать страну. По своему нравственному облику государь этотъ внушалъ много уваженія, но, какъ и самъ убѣдился съ первыхъ лѣтъ, онъ не былъ въ силахъ держать бразды правленія. Шведы сражались въ Финляндіи съ необыкновенною храбростью, но безъ воинственнаго державнаго вождя малочисленный народъ не могъ одолѣть могущественнаго противника. Александръ сталъ властителемъ Финляндіи въ силу завоеванія и договора; но должно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ благоустроилъ эту новую провинцію и уважаетъ свободу, которою она пользовалась прежде. Онъ предоставилъ Финнамъ всевозможныя льготы въ податяхъ и въ военной повинности и великодушно оказалъ помощь городамъ, пострадавшимъ отъ пожара; его милости восполнили до извѣстной степени то, что потеряли Финляндцы, лишившись свободы; не знаю, всѣ ли свободные люди могутъ согласиться на такого рода обмѣнъ.

Господствующія въ XIX вѣкѣ мысли о естественныхъ границахъ вели Россію къ завоеванію Финляндіи; она нужна была ей, какъ Норвегія Швеціи, и достовѣрно извѣстно, что неадѣ, гдѣ не существовало естественныхъ границъ, тамъ подымалась изъ-за нихъ война.

Я сѣла на корабль въ Або, столицѣ Финляндіи. Въ этомъ городѣ есть университетъ и замѣтна духовная образованность; но медвѣди и волки такъ близки зимою, что по неволѣ всякій думаетъ лишь о защитѣ своей жизни; на это тратится много времени, которое въ другихъ странахъ посвящено образованію. Эта борьба съ окружающею природою закаляетъ характеръ человѣка и ограждаетъ отъ вредныхъ послѣдствій праздности. А все таки повсюду я грущу и тоскую о Югѣ и яркихъ лучахъ южнаго солнца, съ которымъ сроднилась моя душа. Одни лишь ужасы и привидѣнія вы видите въ мифологическихъ преданіяхъ жителей Сѣвера; они передъ вами и ночью, и днемъ; тускляя облака, которыя будто зовутъ на землю мертвецовъ подышать холоднымъ могильнымъ воздухомъ, окружающимъ людей живыхъ. Въ этихъ странахъ выступаютъ рѣзко двѣ противоположности: тамъ гдѣ борьба за существованіе наполняетъ всю жизнь, тамъ гдѣ умственная работа легко становится мистической, внѣшній міръ не вдохновляетъ человѣка; онъ живетъ однимъ внутреннимъ міромъ.

Съ тѣхъ поръ какъ императоръ началъ столь жестоко меня преслѣдовать, я лишилась вѣры въ судьбу; но за то больше вѣрю въ Провидѣніе и не ищу земного счастья. Всякій рѣшительный шагъ пугаетъ меня, но я въ изгнаніи, и обстоятельства заставляютъ поступать рѣшительно. Я боялась моря, и меня утѣшали, говоря: сколько людей совершали это путешествіе, и все шло благополучно. Такія рѣчи успокоительно дѣйствовали почти на всѣхъ путешественниковъ; но воображеніе не поддается такимъ утѣшеніямъ, и ему страшна морская пропасть, отъ которой отдѣляетъ тебя слабая снасть корабля. Г. Шлегель *) замѣтилъ мое волненіе передъ отплытіемъ въ Стокгольмъ. Онъ показалъ мнѣ близъ Або тюрьму, гдѣ былъ заключенъ не задолго до своей смерти (въ другой тюрьмѣ близъ Грипсгольма) одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ королей Швеціи Эрикъ IV. „Если бы вы были тамъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на тюрьму, какъ бы желали вы плыть по этому морю, которое васъ теперь пугаетъ“. Это справедливое сужденіе скоро дало другое направленіе моимъ мыслямъ, и первые дни нашего плаванія были мнѣ даже пріятны. Мы проходили вдоль острововъ. Хотя у самого берега больше опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, за то не испытываешь того ужаса, который производитъ видъ волнъ, поднимающихся чуть не до облаковъ. Я попросила показать мнѣ землю на горизонтѣ, открывавшемся нашему взору: безконечное возбуждаетъ страхъ, тѣмъ не менѣе оно правится. Мы прохо-

---

*) Этотъ извѣстный Нѣмецкій писатель находился при баронессѣ Сталь и сопровождалъ ее въ ея переездахъ. П. Б.

дили мимо острова Аланда, гдѣ вели переговоры о мирѣ послы Петра I-го и Карла XII, опредѣляя границы захваченной ими холодной земли, которую не успѣла еще согрѣть кровь пролитая ихъ подданными. Мы надѣялись прибыть въ Стокгольмъ на слѣдующій день, но противный вѣтеръ заставилъ насъ бросить якорь близъ одного острова, сплошь покрытаго скалами со скудной растительностью. Мы поспѣшили на этотъ островъ, чтобы почувствовать землю подъ ногами. Я всегда была очень склонна къ грусти и, не имѣя возможности заниматься въ это свободное время, повидимому благопріятное научнымъ занятіямъ....

Перевела изъ сочиненія баронессы Сталь „Десять лѣтъ изгнанія (Dix années d'exil) Надежда Ржиго“.

*

Принадлежащая къ лучшимъ людямъ въ исторіи Франціи, своеобразная славная писательница баронесса Сталь, дочь министра финансовъ Неккера, родилась (1766) и умерла (1817) въ Парижѣ. Она имѣла благородство не только не увлекаться Наполеономъ, но на словахъ и перомъ ему противодѣйствовать. Онъ ее преслѣдовалъ въ Германіи (гдѣ опѣнили ее Гёте и Шиллеръ) и въ Швейцаріи, куда она должна была перебраться въ богатое помѣстье свое Коппетъ. Когда книга ея о Германіи была арестована и преслѣдованіе начало постигать и лицъ, у нея собиравшихся, она бѣжала и, проѣхавъ Россію и Швейцарію, спаслась въ Англии. Ей было уже 46 лѣтъ. Съ 1786 г. она была въ супружествѣ со Шведскимъ во Франціи посланникомъ Сталь-Гольштейномъ, въ 1802 году овдовѣла, а черезъ восемь лѣтъ влюбилась въ молодого офицера Рокка, вышла за него за мужъ и скончалась вслѣдъ за нимъ. Сынъ ея баронъ Сталь издалъ въ свѣтъ ея книгу (извлеченіе изъ которой, выше помѣщено) еще въ царствованіе Александра Павловича, въ 1822 году. П. Б.

